

# ДЖЕЙМС ФЕНИМОР КУПЕР

КОЛОНИЯ НА КРАТЕРЕ.  
«МОРСКИЕ ЛЬВЫ»  
(СБОРНИК)

Джеймс Фенимор Купер. Собрание сочинений

Джеймс Фенимор Купер

**Колония на кратере.  
«Морские львы» (сборник)**

«Public Domain»

1847, 1849

УДК 82/89  
ББК 84(7США)

## **Купер Д.**

Колония на кратере. «Морские львы» (сборник) / Д. Купер —  
«Public Domain», 1847, 1849 — (Джеймс Фенимор Купер.  
Собрание сочинений)

ISBN 978-5-486-02242-5

Джеймс Фенимор Купер (1789–1851) – американский писатель, чьи произведения еще при жизни автора завоевали огромную популярность как в США, так и в Европе. В его книгах рассказывается о героизме отважных покорителей Дикого Запада, осваивающих девственную природу Америки, о трагической судьбе коренных жителей континента – индейцах, гибнущих под натиском наступающей на них цивилизации. В этом томе представлены два произведения Купера. Роман «Колония на кратере» по сути являет собой переложение историй о затопленном морем городе Винетте и о Робинзоне Крузо в духе современных автору представлений об идеальном устройстве общества, а также о способностях белого человека приспосабливаться к новым условиям обитания. Райская жизнь в колонии, основанной на необитаемом острове, из-за алчности поселенцев со временем перестает быть райской, так что ее основателю приходится покинуть свое детище. И как раз вовремя... Роман «Морские львы», повествует о поиске пиратских сокровищ и верной любви главных героев.

УДК 82/89  
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-486-02242-5

© Купер Д., 1847, 1849  
© Public Domain, 1847, 1849

## Содержание

Колония на кратере	7
Предисловие	7
Глава I	8
Глава II	12
Глава III	16
Глава IV	21
Глава V	25
Глава VI	30
Глава VII	34
Глава VIII	38
Глава IX	42
Глава X	47
Глава XI	51
Глава XII	57
Глава XIII	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

**Джеймс Фенимор Купер**  
**Колония на кратере. «Морские львы»**

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», состав, 2009

## Колония на кратере



### Предисловие

Весьма вероятно, что у большинства читателей этой книги явится невольный вопрос: почему ни в одном учебнике географии или истории не упоминается ни словом о тех местах и событиях, о которых здесь идет речь?

Однако стоит только вспомнить о том, что было время, и всего каких-нибудь три или четыре столетия тому назад, когда наши ученые географы даже и не подозревали о существовании Америки, и ни в одной из их ученых книг не говорилось ни слова об этом громадном материке; что не прошло еще и ста лет с тех пор, как они заговорили о Новой Зеландии, Новой Голландии, островах Таити, Оаху и многих других, о которых теперь чуть ли не ежедневно упоминается даже в газетах.

Короче говоря, не подлежит сомнению, что даже и те, которые лучше других изучили земной шар, еще далеко не знают его во всем его объеме. Что же касается нашего рассказа, то мы смело можем утверждать перед лицом всего света и всех тех, кто пожелает умалить в глазах читающей публики достоинства этого труда, что во всей этой книге нет ни единого слова, которое не заслуживало бы полного доверия.

Кроме того, читатель пожелает, быть может, узнать, почему все те чудесные события, о которых повествуется в этой книге, оставались так долго сокрытыми от людей? Но пусть мне скажут, сколько тысячелетий прошло с тех пор, как громада вод низвергается с высоты Ниагары, и как могло случиться, что просвещенное человечество узнало о том лишь каких-нибудь триста или четыреста лет тому назад.

Затем мы можем сослаться еще на один немаловажный аргумент, могущий служить доказательством нашей правдивости, а именно на то, что и сейчас еще существует в Пенсильвании семейство Вульстон. Наиболее выдающийся член этой семьи недавно скончался на семьдесят первом году своей жизни; его дневник и послужил главным основанием для настоящего рассказа. Человек этот оставил после себя большое состояние и ничем не запятнанную память.

Прелестная и верная подруга этого главного лица нашего рассказа умерла вскоре после него; казалось, она не могла долго жить в разлуке с ним, и оба они почти одновременно отошли в вечность. Та же самая участь постигла и двух других наших друзей – Роберта и Марту, которые также отбыли свой срок земного существования и отошли в лучший из миров. Некоторые из более юных участников этой житейской драмы еще живы и теперь, но они тщательно избегают говорить о тех событиях, которые им пришлось пережить или о которых довелось им слышать в их ранние годы. Молодость – пора иллюзий и радужных надежд, и если эти иллюзии почему-либо разбиты, то не хочется уже оглядываться на них.

В заключение скажем еще одно, последнее слово: составляя эту книгу, мы старались сохранить простой безыскусственный язык записок капитана Вульстона, а потому, в случае если читатель встретит здесь кое-какие погрешности в изложении, пусть вышесказанное послужит нам в оправдание.



## Глава I

*Отличный случай; надо покинуть порт,  
А там ты найдешь счастье или смерть.*

*Шекспир*

Из числа всех тех многочисленных вольностей, какие позволяют себе независимые американцы, нет ни одной более крупной и более явной, как постоянное изменение мужских и женских имен, согласно требованию капризной, преходящей моды.

Для этого пользовались именами и библейскими, и мифологическими, и историческими, а когда все эти источники оказались исчерпанными, то настала пора измышления имен. Кэтти, Бэтси и Долли вышли давно из моды, и теперь мы встречаем повсюду лишь Филэма, Аминда, Маринда и тому подобные женские имена.

Но, к немалому благополучию нашего героя, он имел счастье явиться на свет лет за шестьдесят до вторжения всевозможных модных имен в пределы маленького городка Бристоля в Пенсильвании, а потому был назван при крещении просто Марком.

Отец нашего героя был врач, и по тогдашнему времени врач весьма искусный и ученый. У доктора Вульстона был тут же, в Бристоле, коллега по фамилии Ярдлей. Этот Ярдлей был человек во всех отношениях весьма почтенный и обладал такими же медицинскими и другими научными познаниями, как и его сосед, доктор Вульстон, но он имел над последним несомненный перевес: он обладал несравненно лучшими материальными средствами.

Кроме того, у доктора Ярдлея была только одна дочь, тогда как Вульстон был отцом многочисленного семейства.

Марк был старший из его детей, и, вероятно, этому счастливому обстоятельству он был обязан тем, что получил столь прекрасное образование.

В XVIII столетии высшие учебные заведения, или коллегии, в Америке представляли собою не что иное, как хорошие детские школы: по части словесности преподавалась одна грамматика, а по части других наук там можно было понахвататься только обрывков знаний. Как бы то ни было, но всякий, окончивший курс этой коллегии, получал почетное звание бакалавра, и Марк Вульстон получил бы его, без сомнения, наравне с другими своими товарищами, если бы на шестнадцатом году его жизни не случилось одно событие, которое окончательно изменило все его планы и виды на будущее.

Хотя большие суда редко поднимаются по Делавару выше Филадельфии, однако река эта доступна даже и для самых крупных судов вплоть до самого Трэншон-Бриджа. Однажды – это было в 1793 году, когда Марку Вульстону едва только исполнилось шестнадцать лет, – какое-то большое судно с полным вооружением и оснасткой бросило якорь в конце набережной Берлингтона, маленького городка, расположенного на противоположном берегу Делавара, почти как раз против Бристоля. Судно это тотчас же сосредоточило на себе внимание всей местной молодежи. Марк положительно проглядел на него все глаза; он поминутно переправлялся на своей маленькой шлюпке на ту сторону реки, чтобы иметь возможность поближе полюбоваться красивым кораблем, который произвел на него столь сильное впечатление, что с той поры он не помышлял ни о чем другом, кроме океана. Ни слезы матери, ни отчаяние старшей из его сестер, прелестной девушки, которая была всего двумя годами моложе его, ни разумные увещания отца не могли поколебать принятого им решения. Все шесть недель его каникулярного времени ушли на всестороннее обсуждение этого важного вопроса, и в конце концов доктор Вульстон сдался. Его согласию, вероятно, немало способствовала мысль, что сбережения, которые будут



у него оставаться в том случае, если старший сын его начнет самостоятельно зарабатывать себе кусок хлеба, окажутся отнюдь не лишними, а пойдут на образование младших детей.

В 1793 году торговля Америки шла уже блистательно, а Филадельфия была в то время чуть ли не важнейшим пунктом в этом отношении. Особенно оживленную торговлю поддерживала она с Восточной Индией (Ост-Индией), и старику Вульстону было небезызвестно, что в тех краях легко разбогатеть всякому смышленому человеку.

Ему был хорошо знаком капитан одного из крупных коммерческих судов; к нему он и решил обратиться за советом в этом деле. Капитан Кретшли согласился принять Марка на свое судно и обещал его отцу сделать из этого юноши не только путного человека, но и офицера, что, конечно, несравненно важнее.

Марк был бойкий, толковый и для своих лет рослый, сильный и здоровый мальчик, полный жизни и энергии. И если в течение тех трех лет, которые он провел в коллегии, Марк не стал ни Ньютоном, ни Бэконом, то все же эти три года не пропали для него даром: он знал всего понемногу и во всяком деле был ловок и проворен, так что вскоре обратил на себя внимание начальства. Едва только его судно успело сняться с якоря, как Марк почувствовал себя на «Ранкокусе» так же хорошо и свободно, как у себя дома. В тот же день капитан Кретшли сказал о нем своему помощнику: «Этот парень далеко пойдет – из него будет прок!»

Несмотря на то что он так быстро освоился со своим судном и чувствовал себя счастливым в своем новом звании моряка, у бедного Марка нелегко было на душе, когда он впервые в своей жизни потерял из виду родной берег. Он любил своего отца со всею нежностью доброго сына, любил также и мать, и братьев, и сестер, а так как мы решили уже говорить все без утайки, то добавим еще, что было одно лицо, которое занимало в его сердце и воображении несравненно больше места, чем все остальные, взятые вместе: то была Бриджит Ярдлей, единственная дочь враждебного собрата его отца.

Взаимные отношения двух коллег были далеко не из лучших: им слишком часто приходилось сталкиваться у постели различных больных, для того чтобы иметь возможность вести открытую войну друг против друга, но зато их жены явно враждовали между собой, не поддерживая даже никаких, хотя бы официальных отношений. Когда им случалось встречаться на вечерах в собрании или в гостях у общих знакомых, то и тут они делали вид, как будто не замечают друг друга.

Но взаимные чувства их детей были совершенно иного характера: Анна Вульстон, старшая из сестер Марка, и Бриджит Ярдлей были почти однолетки; они посещали одну и ту же школу и были лучшими подругами в мире. При этом следует отдать справедливость их матерям в том, что они нимало не противились взаимной привязанности своих детей; они довольствовались своей личной враждой и нисколько не старались привить эту враждебность и дурные чувства своим детям.

Обе эти девушки были милы и хороши собой, но каждая из них была мила и хороша по-своему. Анна отличалась мелкими красивыми чертами и ярким румянцем лица; у нее были, кроме того, прекрасные зубы и прелестнейший в мире ротик; Бриджит, обладая всеми этими достоинствами, обладала, кроме того, красивыми задумчивыми глазами, которые придавали ее лицу особенную выразительность: в нем, как в зеркале, отражалось каждое движение ее впечатлительной и чуткой души. Марку часто случалось заходить к доктору Ярдлею за сестрой, когда та была в гостях у своей подруги, чтобы проводить ее домой; благодаря этому обстоятельству он вскоре был принят в качестве третьего лица в их тесный дружеский кружок. Первоначально решено было считать Марка их общим братом; это казалось им так забавно, так ново, что обе девочки часто целыми часами беседовали между собою о том, чем должен будет стать со временем их общий братец, чем могут они быть ему полезны и что они в силах сделать для него, а главное, для его будущего...

В результате всех этих душевных бесед и частых свиданий с общим любимцем и общим братом в душе Бриджит зародилось к Марку чувство, гораздо более глубокое и серьезное, чем то можно было ожидать от девочки в ее возрасте. С Марком случилось то же самое, но он понял всю силу своей привязанности лишь в ту минуту, когда родной берег стал уходить у него из глаз и милый образ тоскующей Бриджит предстал его воображению.

Служба молодого моряка шла очень успешно; делу своему он обучался чрезвычайно быстро под руководством одного старого опытного матроса, и, когда судно его вошло в китайские воды, он уже был назначен рулевым. В ту пору плавание такого рода длилось около года; конечно, если бы почтенные сыны Китая были хоть наполовину так деятельны и предприимчивы, как наши американцы, то на эти рейсы не потребовалось бы и четверти того времени, но доставка чая по каналам Небесной империи в то время далеко не отличалась быстротой.

Когда «Ранкокус» вернулся из своего плавания, молодой Марк Вульстон стал тотчас же предметом зависти в глазах всех юношей Бристоля и предметом восхищения всех местных барышень и девиц. В самом деле, красивый, ловкий юноша, повидавший далекие страны и моря, выглядел щеголем в своей синей куртке тончайшего сукна, с небрежно повязанным вокруг шеи настоящим индийским фуляром и другими такими же фулярами, кокетливо выглядывавшими из его карманов. Он едва успевал отвечать на сыпавшиеся на него со всех сторон расспросы о Китае, и о китайских ножках, и о волнах океана величиною с горы. Жители Бристоля, никогда не видавшие океана, были почти уверены, что там, в открытом море, волны непременно должны быть «вышиною с горы»; впрочем, и о горах-то они не имели особенно точного представления, так как в этой части Пенсильвании нет даже и бугра, который был бы настолько высок, чтобы можно было поставить на нем ветряную мельницу.

При этом Марк чувствовал себя вполне счастливым как от лестного для него внимания посторонних, так и от ласковой, сердечной встречи с близкими; в его родной семье, где его всегда любили и где теперь гордились им, он был желанным гостем; но более всего испытал он счастья тогда, когда ему наконец удалось запечатлеть горячий поцелуй на зардевшихся ярким стыдливым румянцем щеках хорошенькой Бриджит.

Эти двенадцать месяцев разлуки прошли не даром как для Марка, так и для девушки: оба они развились, расцвели и возмужали за это время. В течение того месяца, который Марк провел в родительском доме в Бристоле, он, конечно, не раз успел повидаться с любимой им девушкой, – мало того, он признался ей в своей любви и выманил и у нее признание во взаимности.

Между тем родители не замечали того, что происходит между их детьми, точно так же, как и дети, со своей стороны, не подозревали, до чего возросла взаимная вражда и ненависть их отцов и матерей. Теперь уже коллеги не встречались даже у изголовья больных; если же им когда-нибудь приходилось сталкиваться друг с другом, то каждая такая встреча неизбежно оканчивалась более или менее крупной ссорой двух последователей Эскулапа.

Быстро промелькнули четыре счастливые недели отпуска для Марка; по окончании этого срока он обязан был снова вернуться на свое судно. Надо было проститься с родными и с Бриджит. Анна, ставшая поверенной влюбленной молодой пары, стала вместе с тем и хранительницей весьма важной тайны их взаимного обета – стать мужем и женой, и чем скорее, тем лучше, конечно! Но понятно, что осуществление этого намерения нужно было еще отложить на некоторое время.

На этот раз Марк уезжал с сокрушенным сердцем, но тем не менее полный надежд на будущее. Несмотря на то что образ прелестной подруги не выходил у него из головы, не прошло и недели со дня отплытия судна, как он уже снова был первым весельчаком и затейником из всего экипажа.

Путь их лежал теперь не прямо на Кантон, как в первое его плавание; «Ранкокус» должен был предварительно сдать в Амстердаме груз сахара и затем уже, занявшись некоторое время

каботажем в Европе, направиться в Кантон. Из Амстердама «Ранкокус» зашел в Лондон, где забрал товары для доставки в Кадикс. По пути приходилось заезжать то в тот, то в другой порт, и Марк знакомился с чужеземными странами, народами и обычаями; правда, за свое кратковременное пребывание в Амстердаме, Лондоне, Кадиксе, Бордо, Марселе, Гибралтаре и некоторых других приморских городах он, конечно, не имел возможности основательно изучить и вникнуть в то, что ему приходилось видеть и слышать, но тем не менее он приобрел громадный запас всевозможных сведений, которые ему впоследствии оченьгодились. Перед отправкой в Кантон Марк был произведен в офицеры. Те два года, которые он провел в море, достаточно подготовили его к предстоящей ему служебной деятельности, а полученное им ранее образование значительно облегчило ему изучение специальных морских наук. В ту пору флотские офицеры были еще далеко не заурядным явлением в Америке, и всякий молодой человек с такими способностями и знаниями и столь богато одаренный и физически и нравственно, не мог не пробить себе дороги и не пойти быстро вперед по службе, если только тому не мешало его поведение. Поэтому нет ничего удивительного в том, что наш юный моряк был назначен младшим помощником капитана, хотя ему еще не было и восемнадцати лет.

Плавание от Лондона до Кантона и от Кантона до Филадельфии продолжалось около десяти месяцев. По прибытии на место своей стоянки капитан Кретшли дал Марку торжественное обещание сделать его в следующее плавание своим старшим помощником, и счастливый Марк, не теряя времени, поспешил в Бристоль.

Бриджит Ярдлей была тогда в полном расцвете своей красоты; Марк застал ее в трауре по матери; эта утрата только еще более сблизила двух приятельниц – и родители, очевидно, не имели ничего против этой дружбы; что касается частых посещений молодого моряка, то на это отец Бриджит взглянул совершенно другими глазами. Не прошло и двух недель со дня его возвращения, в течение которых Марк чаще, чем когда-либо, посещал подругу своей сестры, как однажды старик Ярдлей без всякой видимой причины придрался к нему и попросил его не бывать более у него в доме. Главной причиной этого поступка со стороны доктора Ярдлея было то, что со смертью матери дочь его стала богатой наследницей, получив по завещанию довольно большое состояние.

При одной мысли о том, что это состояние может перейти в руки сына его врага, доктор Ярдлей готов был рвать на себе волосы. Потому-то он и воспользовался первым попавшимся случаем, чтобы устроить молодому человеку сцену в присутствии смущенной и озадаченной его выходкой Бриджит. Старик не поскупился на всякого рода обидные инсинуации по адресу всех Вульстонов, за исключением Анны, которую, как он выражался, он не смешивает с остальными.

Во время этой тяжелой и неприятной сцены молодой моряк вел себя безукоризненно: он ни разу не забыл, что имеет дело со стариком, да к тому же еще с отцом Бриджит. Выслушав до конца речь доктора Ярдлея, Марк поспешно схватил свою шляпу, и по тому, как он вышел из комнаты и из дома ее отца, Бриджит поняла, что он уже никогда более туда не вернется.

## Глава II

*Госпожа Капулетти. Ей еще нет четырнадцати лет.*

*Кормилица. Клянусь честью, пусть я потеряю четырнадцать зубов в одно мгновение, сударыня, – но у меня, увы, их только четыре! – если это дитя четырнадцати лет! Пойдите, давайте-ка посчитаем.*  
*«Ромео и Джульетта»*

Тяжелая, неприятная сцена, происшедшая в доме доктора Ярделя, очень скоро стала известна доктору Вульстону, и, хотя он довольно благосклонно относился к Бриджит, – конечно, настолько благосклонно, насколько это ему было возможно по отношению к дочери Ярделя, – но оскорбление, нанесенное его семье в лице сына, было столь велико, что он в свою очередь запретил всякие сношения между девушками. Бриджит, любившая Анну почти так же сильно, как и ее брата, положительно не могла свыкнуться с этой разлукой: она загрустила до того, что это отразилось даже на ее здоровье.

Чтобы развлечь и рассеять ее, отец решил отправить ее погостить к тетке в Филадельфию, совершенно упустив из виду, что именно там находилось в то время судно, на котором служил Марк, и что нигде в другом месте молодые люди не могли бы так легко встречаться и видаться, как там.

Понятно, что едва только Марк успел вернуться на свое судно, на котором он теперь уже был назначен старшим помощником капитана, как стал искать удобного случая видаться с Бриджит. Он начал с того, что прямо явился в дом ее тетки. Та вздумала было воспротивиться этим посещениям молодого человека – но ведь теток молодежь не особенно слушается, и наши влюбленные часто назначали друг другу тайные свидания. Так прошло недели две; Марк положительно не мог решиться снова уйти в море, оставив свою ненаглядную Бриджит в руках своих врагов, как он мысленно называл ее отца и тетку. Бедный юноша, казалось, был до того несчастлив и удручен этой мыслью и до того красноречиво высказывал свои опасения и страхи, что Бриджит дала наконец уговорить себя, и они решили тайно обвенчаться, чтобы, по достижении совершеннолетия, Марк мог явиться и на законном основании потребовать свою жену.

В Америке такого рода браки заключаются без особого труда. В числе бывших школьных товарищей Марка был один молодой священник, простодушный, бесхитростный малый.

Возмущенный поступками старика Ярделя по отношению к Марку, он охотно согласился совершить обряд венчания. Однажды утром Бриджит, выйдя из дому с одной из своих приятельниц, чтобы совершить, как полагала тетка, свою обычную дообеденную прогулку, направилась прямо к набережной, где их встретил Марк, с которым обе девушки взошли на «Ран-кокус»; там их уже ожидал молодой священник. Венчание состоялось в капитанской каюте, которая в отсутствие капитана находилась в полном распоряжении Марка и, как оказалось впоследствии, являлась наиболее удобным местом для бракосочетания молодых супругов, которым предстояла в будущем такая странная, полная приключений и случайностей всякого рода судьба.

Свидетелями этого брака были: подруга Бриджит, совершавший обряд священник и простой матрос, участвовавший во всех плаваниях, которые совершил Марк, и который был назначен капитаном хранителем судна в его отсутствие. Звали его Роберт Бэтс, или, для краткости, просто Боб Бэтс. Он был родом из Нью-Джерси; в ту пору, о которой теперь идет речь, ему было около тридцати пяти лет. Казалось, Боб был обречен на вечное безбрачие и принадлежал весь и телом и душой морю. С восьмилетнего возраста он поступил юнгой на судно и с тех пор ни на час не расставался с морем. Во время войны за независимость Боб служил на военных судах, а по заключении мира в 1783 году поступил на службу к капитану Кретшли, с которым

и не расставался с тех пор. Этот самый Боб был учителем и наставником Марка, когда тот только что вступил в морскую службу, и под его руководством Марк сделал свои первые шаги на этом новом поприще.

Боб был рослый мужчина необычайной силы, чрезвычайно привязчивый и преданный тем, кого он любил; Марка он любил всей душой и громко восхищался им. Однажды он в присутствии нескольких матросов сказал: «Смотрите, ребята, этот Марк Вульстон будет в свое время первейшим из моряков, помяните мое слово! Самый счастливый день в моей жизни будет тот, когда мне случится пойти в плавание на судне, находящемся под командой капитана Марка Вульстона».

Несмотря на то что, кроме священника, было всего только двое свидетелей, тем не менее были составлены по всем правилам два брачных свидетельства, из коих одно было вручено Марку, а другое Бриджит. Минут десять спустя по окончании брачной церемонии наши новобрачные расстались: молодая вместе со своей подругой вернулась домой к своей тетке, священник – к своим требам, а оба моряка остались на судне и, стоя на палубе, провожали глазами быстро удалявшиеся стройные женские фигуры. Когда они скрылись из виду, Боб счел нужным сказать что-нибудь.

– А славный у вас теперь фрегатик, славный! – заметил он в адрес Бриджит. – А есть ли у нее кое-какие деньжонки? Я слышал, что в этих водах нередко попадаются золотые рыбки.

– Не знаю, Боб, я думаю, что у нее столько же денег, как и у меня, то есть ровно ничего, но что за беда! Пройдут два года, я вернусь и потребую от ее отца свою жену, хотя бы у нее и двух платишек за душой не было!

Марк не лгал. Он действительно не знал ничего о том, что у Бриджит были свои тридцать тысяч долларов; узнал он об этом лишь спустя несколько дней после свадьбы из уст самой Бриджит, умолявшей его бросить службу и остаться жить с нею в Бристоле. Но Марк успел уже полюбить море и свою службу, да к тому же, несмотря на всю свою любовь к молодой жене, ему не хотелось жить на ее хлебах. Для решения этого вопроса потребовалось немало трудной борьбы, и в результате Марк отправился в Бристоль и чистосердечно признался во всем отцу. При первых словах этого неожиданного признания доктор Вульстон даже привскочил на своем стуле; однако в этом деле было и нечто такое, что могло казаться утешительным для старика. Не говоря уже о том, что Бриджит была мила, молода и красива и для Бристоля даже богата, и что все это уже само по себе могло льстить до известной степени его родительскому самолюбию, доктор Вульстон, кроме того, испытывал в глубине души некоторую злобную радость при мысли, что теперь все состояние покойной жены его ненавистного коллеги перейдет к его сыну. В силу всего этого он поступил вполне порядочно. Он известил доктора Ярдлея о случившемся письмом, которое было написано в очень деликатном и вежливом тоне и благодаря которому при желании можно было бы уладить это дело любовно. Но у отца Бриджит не было ни малейшего желания к примирению; он пришел в такую ярость от полученного им известия, что его хватил паралич, который чуть было не свел его в могилу. Однако старик оправился, и едва только он успел стать на ноги, как поспешил в Филадельфию, чтобы увезти оттуда свою дочь. Марк, конечно, был вправе потребовать к себе свою жену и водворить ее в доме своего отца, но старик Вульстон воспротивился этому и повел дело гораздо разумнее и успешнее. Один из их общих друзей устроил у себя в доме свидание двум враждующим коллегам, здесь они объяснились и пришли к обоюдному соглашению почти по всем пунктам данного вопроса. Было решено, что новобрачные останутся на прежнем положении еще года два или три; вопроса о приданом доктор Вульстон даже не затрагивал, что чрезвычайно порадовало алчного до денег Ярдлея, который, благодаря этому обстоятельству, мог пользоваться процентами с капитала дочери еще в течение двух-трех лет. Марк должен был продолжать свою службу на «Ранкокусе» и, следовательно, в скором времени опять отправиться в плавание. На этот раз его судно

отправилось на некоторые из островов Тихого океана, чтобы приобрести там известное количество сандалового дерева для китайских рынков.

Вернувшись из этого плавания, Марк будет уже совершеннолетним и сумеет получить командование судном, в том случае, если он не пожелает расстаться со своей карьерой моряка. Таково было решение обоих отцов, а пока Марк получил разрешение посещать время от времени свою жену и писать ей, сколько душе его будет угодно. Прежние дружеские отношения двух подруг возобновились, и Анна с Бриджит виделись чаще прежнего. Марк посылал своей молодой супруге письмо за письмом, исполненные самых нежных и страстных выражений его чувств.

Тем временем судно Марка готовилось к отплытию, и молодому офицеру можно было отлучаться с него только раз в неделю. Зато эти воскресные поездки к жене были для него истинными праздниками: молодые супруги гуляли, катались, ездили за город в сопровождении Анны и возвращались домой совершенно довольные и счастливые, чтобы снова расстаться на целую неделю.

Не прошло и месяца со дня преждевременной свадьбы Марка Вульстона и Бриджит Ярслей, как «Ранкокус» снялся с якоря, намереваясь плыть в Тихий океан, а оттуда далее, в Кантон. Перед самым отплытием Марк ухитрился вырваться на денек в Бристоль, а доктор Ярслей, тронутый горем своей дочери, согласился свезти ее вместе с Анной в Филадельфию для последних проводов молодого моряка.

Когда наконец наступил момент окончательной разлуки, сердце бедного моряка болезненно сжалось, а Бриджит громко рыдала. Два года разлуки – да ведь это целая вечность!

Бриджит пришлось почти насильно увести с корабля, и пока судно не скрылось из виду, она следила за ним, сквозь слезы провожая его глазами до самой последней минуты.

Марк в свою очередь, стоя на палубе судна, не сводил глаз с возлюбленной женской фигуры на берегу, даже и тогда, когда за дальностью расстояний этот милый облик почти совершенно исчез. В своей маленькой каюте Марк нашел много следов заботливости, любви и предусмотрительности своей молодой жены: все, что только могло ему быть нужно или приятно в пути, все было приготовлено и припасено ею здесь для него.

Художники в то время были редкостью в Америке, и заказать портрет было делом нелегким; но Бриджит приказала сделать свой силуэт, который она вставила в хорошенькую рамку и повесила в каюте мужа. Этот темный профиль слегка склоненной головки, чрезвычайно живо напоминавший оригинал, был самым трогательным проявлением ее внимания, а вместе с тем и лучшей отрадой и утешением для бедного Марка.

Жизнь на судне с самой минуты отплытия пошла своим обычным порядком: и в праздники и в будни, и днем и ночью, и в бурю и во время штиля все были заняты – каждый своей работой. Согласно заведенному порядку, капитан Кретшли зашел в Рио-де-Жанейро, чтобы возобновить и пополнить свои запасы. Простояв с неделю в этом прелестнейшем и живописнейшем из городов, «Ранкокус» продолжал свой путь.

Обогнув мыс Горн, он зашел в Вальпараисо и здесь сделал новый запас воды и всяких припасов на случай цинги; затем, приблизительно через две недели, «Ранкокус» снова пустился в море.

Сто лет тому назад Тихий океан не был еще так исследован моряками, как в настоящее время. Всего лет за двадцать до того времени знаменитый Кук совершил свои путешествия и описал их в своих реляциях; но и после того оставалось еще очень много темных мест, и карты были далеко не совершенны. Ведь почти всегда так бывает, что после первого счастливого или смельчака, показавшего дорогу и упрочившего за собою славу завоевателя, покорителя или изобретателя, главную работу заканчивают другие. И если бы мы, например, знали об Америке только то, что знал о ней Христофор Колумб, то мы не знали бы и пятидесятой доли того, что знаем теперь.

Тихий океан, конечно, не может быть назван бурным морем, если принять во внимание его громадную величину и те ветры, которые там преобладают; но стоит только взглянуть на карту, чтобы тотчас же убедиться, что в нем островов, рифов, скал и отмелей всякого рода несравненно больше, чем в Атлантическом океане. Однако это нимало не смущает моряков всех стран, в том числе и американцев. В течение более двух месяцев после того, как «Ранкокус» вышел из Вальпараисо, капитан Кретшли плывал в водах Тихого океана в поисках намеченных в его инструкциях островов, где ему следовало запастись изрядным количеством сандала, имевшего огромный сбыт в Китае, где он употребляется для курения в качестве фимиама в капишах идолов.



## Глава III

*О могучий бог морей! Твой громкий голос вывел из покоя послушную волну. Она поднимается целой горой, затем с рокотом падает, затем, снова вздымаясь, она опадает с ужасным гулом на палубу и затопляет ее. Молнии одна за другой пронизывают темноту ночи. Сделай знак; буря тотчас умолкает, ветры утихают, и вновь настает тишина.*

**Пибоди**

День, предшествовавший той ночи, о которой мы будем говорить, был туманный; дул ост-зюйд-ост, что было весьма благоприятно для «Ранкокуса», который шел на зюйд-вест.

Здесь следует сказать, что за капитаном Кретшли водился большой недостаток — для командира судна: он слишком усердно тянул грок за обедом.

В любое другое время дня это был человек трезвый, но в обеденный час он залпом выпивал три-четыре стакана рома с очень незначительным количеством воды.

Тот день, о котором идет речь, был как раз днем рождения супруги капитана Кретшли, а капитан был слишком хорошим, любящим мужем, чтобы не отпраздновать этот день еще более усердными возлияниями. Марк, никогда не употреблявший спиртных напитков в таком количестве, с прискорбием смотрел на своего командира, тем более что только что спустившийся с марса<sup>1</sup> матрос уверял, будто в момент, когда погода немного прояснилась, он видел впереди на море белую полосу. Марк сообщил об этом капитану и сказал, что, быть может, было бы не лишним убрать часть парусов, лечь в дрейф и бросить лот. Но капитан не обратил никакого внимания на его слова, уверяя, что матросы вечно придумывают разные ужасы, и если их слушали бы, то ни одно судно не достигло бы места своего назначения. На беду, и второй помощник, бывший некогда простым матросом и обязанный своим повышением исключительно только своему пристрастию к спиртным напиткам, благодаря которому он являлся прекрасным собутыльником для капитана, был сильно пьян и со своей стороны поддерживал капитана в его пренебрежении к словам матроса, так что Марку поневоле пришлось замолчать. Однако наш молодой моряк не мог на этом успокоиться; он знал, что матрос, сообщивший ему эту весть, человек надежный и знающий свое дело. Но вот пробило шесть часов вечера, Марк сменился с вахты и, пользуясь своей свободой, поднялся на фок-салинг, чтобы воспользоваться последними минутами дневного света для личных наблюдений. Сперва он не мог ничего различить на расстоянии более мили из-за тумана; но в тот момент, когда солнце стало садиться, на западе вдруг прояснилось, и Марк увидел нечто такое, что он сразу признал за рифы, тянувшиеся на протяжении нескольких миль прямо перед носом судна. Пораженный такого рода неожиданностью, Марк недолго думая крикнул:

— Впереди подводные камни!

Этот возглас старшего помощника вывел из полусознательного состояния даже капитана.

Он очнулся и начал уже приходить в себя после своего опьянения, если бы не помешал его собутыльник. Он не мог простить Марку того, что этот «молокосос», как он выражался, занимал на судне, в качестве старшего помощника, такое положение, которое могло быть занимаемо с пользой для службы только человеком в его возрасте и с его опытом. Он заспорил и загорячился, настаивая на том, что смешно и нелепо говорить о подводных камнях и рифах там, где по карте значится совершенно чистое море. Тем не менее капитан, знавший, что на картах обозначается лишь то, что было известно в то время, когда они составлялись, и что неточности и ошибки всегда возможны, вызвал всех людей наверх и приказал убрать часть

---

<sup>1</sup> Марс — вышка на мачте для наблюдения.

парусов. Тем временем Марк спустился вниз, а капитан занял его место, желая лично проверить наблюдения своего помощника. По пути он отдал приказание взять курс на юг, вследствие чего преграждавшая путь подводная гряда оказалась теперь на правой стороне, но, несмотря на то, что она осталась под ветром, и теперь еще она представляла некоторую опасность, хотя ветер и не был достаточно силен для того, чтобы помешать обогнуть ее, приняв для того необходимые меры. Едва только капитан поднялся на фок-салинг, как приказал позвать к себе Боба. Боб с ловкостью белки взобрался по снастям и в одну секунду очутился возле капитана.

Оба они внимательно вглядывались в море с подветренной стороны. Младший помощник с насмешливой улыбкой на лице поджидал, когда они спустятся, заранее уверенный в том, что они объявят, что то, что казалось Марку признаком подводной гряды, не что иное, как всплеск крупной рыбы. Но капитан не был столь безрассуден; он объявил, что собственно подводных камней он не видел, но что раза два в тот момент, когда горизонт прояснился, ему показалось, что он видит что-то не совсем ладное; впрочем, то, что он видел, могло быть как беловатой пеной на поверхности моря, так и отблеском последних лучей заходящего солнца на воде. Боб точно так же не мог сказать ничего определенного.

– Неужели и вы, Боб, ничего не видели? – спросил Марк, делая особое ударение на слове «вы», как бы для того, чтобы дать понять, что нет ничего удивительного, если капитан ничего не видел, но что Боб, по его мнению, должен был видеть то же, что видел он сам.

– Нет, мистер Вульстон, – отвечал Боб, – хотя я зорко смотрел вперед, но ничего особенного не видел.

Это было веское свидетельство против Марка, потому что Боб считался непогрешимым в подобного рода вопросах.

Капитан приказал подать себе карту и принялся вместе с Хильсоном – так звали младшего помощника – рассматривать ее.

По карте море было свободно во всех направлениях, но так как Марк с еще большей настойчивостью утверждал, что они идут прямо на подводные камни, то капитан согласился приказать бросить лот. Это требовало времени. Надо было лечь в дрейф, разместить людей и разложить лот.

Между тем день угасал с минуты на минуту; моросил мелкий дождичек, еще более увеличивая окружающую темноту. Исследование показало, что на глубине четырехсот футов нет дна, но это обстоятельство еще ничего не доказывало, так как все хорошо знали, что коралловые рифы в океане часто вырастают совершенно отвесной стеной, так что в нескольких саженях от них нельзя даже подозревать их существования. А потому после нового совещания со своими помощниками капитан Кретшли решил, что судно будет продолжать свой путь в том же направлении, но на всякий случай уменьшив парусность. Такого рода полумера, конечно, делала грозившую опасность менее ужасной, но далеко еще не устраняла ее окончательно. Тем не менее опасения Марка отчасти улеглись. Что его особенно смущало, так это непроницаемая мгла, которая окружила их со всех сторон, не позволяя различать поверхности моря даже на расстоянии нескольких сажен от судна. Не имея возможности что-либо видеть, он жадно прислушивался к отдаленному шуму волн и старался уловить в этом шуме признак близости подводных рифов и камней. В нем почему-то упорно держалась уверенность в том, что «Ран-кокус», с каждой минутой приближаясь, идет прямо на них. Время подходило к полуночи, и Марк с ужасом думал о том, что сейчас вместо него встанет на вахту Хильсон, который за это время, после вторичного усердного возлияния в честь жены капитана Кретшли, стал совершенно не способен к исполнению своих обязанностей.

Но на этот раз он уже наверняка не ошибался, – до слуха его донесся роковой шум, похожий на глухой прибой волн обо что-то твердое, неподвижное. Шум этот доносился теперь не спереди, а с правого борта. Опасность была настолько велика, что Марк счел себя вправе, вопреки полученным им приказаниям, положить руль право на борт и повернуть на другой

галс, уходя в противоположную сторону. Долг повелевал ему тотчас пойти и дать отчет о случившемся капитану, но на минуту у него мелькнула мысль никому ничего не говорить, не будить младшего помощника, а остаться самому наверху до утра. Но сознание той страшной ответственности, какую он должен будет принять на себя в случае несчастья, заставило его одуматься, и он нехотя, с тяжелым сердцем направился в каюту.

Разбудить этих двух собутыльников было не так-то легко. Хильсон находился в состоянии, близком к летаргии, но положение было слишком критическое, чтобы долго с ними церемониться, и Марк принялся трясти их изо всей силы.

– Что там еще? – досадливо спросил капитан, протирая глаза.

– Мне кажется, что я слышал шум, указывающий на присутствие рифов и подводных камней на правой стороне, я дал поворот и взял курс на юг.

В ответ на это капитан издал какой-то странный звук, который Марк не знал, как истолковать; неизвестно, было ли то удивление или неудовольствие. Но видя, что капитан уже совершенно очнулся и готовится идти наверх, Марк счел свое дело сделанным и вернулся к своим обязанностям. Боб также был на вахте, и Марк тотчас же позвал его к себе. Несмотря на разницу в положении между старым матросом и молодым офицером, Марк поддерживал с ним почти дружеские отношения.

– Боб, друг мой, у вас ухо чуткое и привычное, скажите, неужели вы ничего не слышите?

– Прошу извинить, мистер Вульстон, ведь я и тогда, как был с капитаном наверху, тоже видел что-то такое, что очень походило на белую пену, но капитан так громко уверял, что там впереди нет ровно ничего, что я не посмел ему перечить.

– А знаете ли, Боб, что когда вы стоите на вахте, то не сказать того, что вы видите, – большое преступление? – ответил ему Марк.

– Ваша правда, мистер Вульстон, я и сам сознаю, что нехорошо поступил, – да что прикажете делать? Ведь с капитаном спорить также дело не пустое...

– Ну, будет об этом!.. А теперь скажите, Боб, вы ничего не слышали?

– Как же, мистер Вульстон, я слышал плеск воды о подводные камни, сперва под кормой, затем у носа; а сейчас, когда вы меня кликнули, я слышал этот самый плеск под кран-балкой с наветренной стороны.

– Неужели это правда, Боб?

– Самая истинная правда, мистер Марк, и если вы мне хотите верить, то вот сию минуту мы плывем над этими подводными камнями и каждую секунду можем разбиться.

– Что за черт! – закричал капитан Кретшли, который как раз в это время подходил к ним и слышал последние слова Боба. – А я так решительно ничего особенного не слышу и готов поклясться, что в таких потемках ни одна кошка ничего не увидит, а не только человек!

Едва успел он произнести эти слова, как плеск волн о подводные камни раздался совсем близко и так явственно, что уже не могло быть никакого сомнения. Марк своим разумным распоряжением на время отклонил опасность, но не в его власти было окончательно устранить ее.

Не тратя понапрасну слов, капитан вызвал всех людей наверх и скомандовал громовым голосом:

– Поворот направо!

В то время как судно поворачивало, медленно подаваясь вперед под малыми парусами, все вокруг осветилось каким-то странным фосфорическим светом, а море кругом забелело, и плеск волн стал походить на шум водопада. Это уже, несомненно, были рифы; они обступали судно со всех сторон, и минуту спустя «Ранкокус» коснулся дна. Непроницаемый мрак еще более увеличивал весь ужас этой минуты.

С первого момента катастрофы капитан совершенно протрезвел и сразу выказал себя тем беззаветно смелым, решительным и опытным моряком с удивительной силой самообладания, каким он и был на самом деле.

Все приказания его, точные, ясные и определенные, исполнялись немедленно и дружно привычными и опытными матросами, создававшими всю опасность данной минуты. Толчки были не особенно сильны, и вскоре благодаря дружным усилиям команды и разумным распоряжениям капитана белые пенящиеся волны остались позади; причем ни одна волна не перекатилась через палубу, что служило прямым доказательством того, что даже в том месте, где судно коснулось мели, было довольно глубины, чтобы поднять его. Двенадцати футов под килем было совершенно достаточно для «Ранкокуса», а лот местами показывал и более значительную глубину. Однако на баке дело шло плохо, и капитан Кретшли кинулся туда. Младший его помощник едва сознавал, что он делает, и капитан увидел, что ему следует немедленно занять его место. При виде таких оплошностей, да еще в такую критическую минуту, гнев невольно овладевает человеком; взбешенный капитан сам подскочил к якорям и крикнул Хильсону, чтобы он убирался вон.

В это время внезапный толчок заставил дрогнуть все судно, подводные камни вдруг снова показались со всех сторон; целый каскад белой пены поднялся до высоты борта; когда волны отхлынули, капитана уже не было; он куда-то исчез.

Какая участь постигла его? Как могло это случиться? О том никто не мог ничего сказать; по всей вероятности, волна, поднявшаяся выше палубы, смыла несчастного и увлекла его в подветренную сторону.

Едва об этом несчастье стало известно Марку, он тотчас же понял, какая громадная ответственность легла теперь на него. Нельзя было терять ни минуты, и первой его заботой было попытаться отыскать и спасти капитана.

Он тотчас же приказал спустить шлюпку и посадил на нее шесть лучших матросов. Стоя у бушприта, Марк видел, как шлюпка промелькнула вдоль борта и затем скрылась в ужасающей мгле этой страшной ночи; больше ее не видели.

Ужасная участь постигла за какие-нибудь четверть часа капитана и шесть лучших его людей.

Несмотря на эти тяжелые утраты, работа на судне шла своим порядком. Теперь и Хильсон понял наконец, что дело идет о его собственной шкуре, и при этой мысли весь рассудок как-то сразу вернулся к нему. Как он ни был пьян, а все же успел приготовить и спустить вторую шлюпку, приказав матросам перенести в нее все припасы. В капитанской каюте имелось немного звонкой монеты, которая тоже снесена была в шлюпку по приказу младшего помощника.

Занятый распоряжениями на баке судна, Марк не видел и не замечал ничего, что творилось на юте, где Хильсон оставался полновластным хозяином, имея в своем распоряжении несколько матросов.

Между тем судно, получив несколько последовательных толчков, почти миновало риф; теперь «Ранкокус» лишь чуть-чуть задевал за дно килем, и Марк выжидал только момента для того, чтобы бросить якорь на таком месте, где была достаточная глубина. Послав осмотреть трюм, Марк убедился, что воды в трюме не прибывало и что подводная часть судна не получила никаких серьезных повреждений.

Наконец настала желанная минута: судно оказалось на достаточной глубине, и Марк приказал отдать якорь. В этот момент Хильсон и его товарищи уже были в шлюпке; и снесло ли шлюпку волной, вдруг неожиданно окатившей всю палубу, или же кто-нибудь в суматохе, царившей тогда повсюду на судне, по неосторожности отвязал ее, только Марк, стоявший как раз у шпигеля в тот момент, как нахлынула волна, обдав его целым облаком тонких брызг, увидел, как сквозь туман, злополучную шлюпку на гребне огромной волны; через минуту она

скрылась в непроглядном мраке, царившем вокруг. Всякая помощь несчастным была немислима! Сердце Марка болезненно сжалось, но что мог он сделать?.. В эту минуту Марк и не подозревал всего ужаса постигшего его несчастья.

Только после того, как он обошел каюты, помещение матросов и бак, ему вдруг стало ясно, что из всего экипажа на «Ранкоусе» остались только два человека: он да Боб Бэтс.

Погода час от часу улучшалась; перед рассветом небо совершенно очистилось и туман рассеялся.

Тогда Марку пришло в голову, что если они находятся вблизи какого-нибудь берега, то судно должно будет непременно подвергнуться влиянию прилива, тогда может случиться, что приливом его снова бросит на подводные камни... Во избежание этого нового несчастья Марк решил бросить еще один якорь, что они и привели в исполнение вдвоем с Бобом, хотя и с немалыми усилиями.

## Глава IV

*Коралловый грот прячется в недрах волн; голавли и золотые рыбки  
с алой спинкой приходят отдыхать в нем на заре, и цветок моря,  
колеблемый ветром и никогда не орошаемый росой, гордо полукрывает  
свою прекрасную голубую чашечку.*

### *Персиваль*

Усилия, потребовавшиеся для того, чтобы спустить якорь, были так велики, что совершенно истощили силы Марка и его единственного товарища и помощника Боба. Трудно себе представить, с каким нетерпением они ожидали рассвета; каждая секунда им казалась часом, — думалось, будто ночи этой и конца не будет. Но вот первые лучи зарождающегося дня, осветившие восточную часть горизонта, дали им возможность начать наблюдения. Наши моряки, конечно, прежде всего обратили свои взгляды на подветренную сторону, но так как это был запад, то понятно, что там еще было почти совершенно темно. Они надеялись увидеть там если не целую группу островов, то хотя бы один какой-нибудь одинокий островок; но земли нигде не было видно. Правда, там было еще настолько темно, что можно было ошибиться. Марк спросил Боба, что он об этом думает?

— Подождать надо, мистер Вульстон, пусть немного посветлеет. Вон там, по левую сторону судна, как будто виднеется что-то; ох уж эти мне подводные камни, у меня просто в глазах рябит от них — всюду стоит тьма-тьмуца!.. Просто даже понять не могу, как это мы пробрались сквозь эту чашу.

Действительно, хотя волнение совершенно улеглось, и подводные камни и рифы казались теперь менее грозными и ужасными, чем в темную, беспросветную ночь, все же не было никакой возможности обманываться относительно своего положения. При том состоянии, в каком теперь находилось море, было ясно, что повсюду, где только белела и пенилась вода, были рифы и скалы.

Большинство из них так мало выдавалось над водой, что волны перескакивали через них, оставляя после себя лишь едва заметную беловатую черту на поверхности моря. Эти подводные камни вырастали из-под воды во всех направлениях на таком протяжении, что глаз не мог обнять их крайнего предела. Какими судьбами «Ранкокус», врезавшийся в самую середину этого лабиринта утесов, не разбился о них вдребезги, — это было чистое чудо. Впрочем, в море нередко бывает, что в темноте и под покровом непроницаемого тумана случается преодолевать такие препятствия, которые среди белого дня показались бы совершенно непреодолимыми. Если трудно было понять, каким образом мог сюда врезаться «Ранкокус», то теперь было еще вдвое труднее сообразить, как ему выбраться отсюда.

— Да, мистер Вульстон, — сказал Боб, — тут уж впрямь нужно у Господа Бога просить заправского чуда, чтобы Он вынес «Ранкокус» через все эти скалы и рифы невредимым в открытое море. Что против этого все наши Делаварские пороги? Сущие ореховые скорлупки.

— Да, положение затруднительное, — со вздохом отозвался Марк, — я, право, не вижу, как мы можем отсюда выбраться.

— Гм, да!.. Если только с подветренной стороны нет какой-нибудь земли, то ничего не будет удивительного в том, если нам придется стать здесь Робинзонами Крузо на весь остаток дней наших! — заметил Боб.

До этой минуты на западе над морем еще расстилался густой туман, но теперь под влиянием солнечных лучей туман этот быстро рассеялся, и Бобу показалось, что он видит не более как в двух милях от того места, где они находились, что-то похожее на землю. Взобравшись на фок-салинг, Марк в свою очередь различил нечто такое, что, по его мнению, могло быть

лишь частью большой подводной скалы, выдающейся над поверхностью моря, или же каким-нибудь одиноким низменным островком. Именно в этом направлении должны были быть унесены волнением их товарищи.

Боб принес Марку подзорную трубу, и тогда им стало ясно, что то, что они видели, была голая бесплодная скала, густо населенная птицами, но без всяких признаков человеческого существования; и эта скала, не имевшая, по-видимому, и одной мили протяжения, была единственной точкой на всем горизонте, которую можно было назвать землей. Теперь они поневоле пришли к печальному убеждению, что все товарищи их погибли. Они поняли, что положение почти безвыходное. Однако, как истые моряки, они не стали предаваться бесплодному отчаянию, а подумали о необходимости подкрепить свои силы пищей и присели перекусить.

Но несмотря на то что оба они были голодны и обладали вообще хорошим аппетитом, на этот раз пища как-то не шла в горло, и после очень непродолжительной трапезы они принялись серьезно обсуждать свое положение. Это были такие минуты и такое положение, когда всякая разница между простым матросом и офицером совершенно сглаживается.

– А как вы думаете, Боб, – спросил вдруг Марк, – смогли бы мы вдвоем с вами управиться с этим судном в том случае, если бы нам удалось выйти в открытое море?

– Об этом следует подумать, мистер Вульстон, – отозвался Боб, – конечно, и вы и я, мы оба парни сильные и здоровые, да и не робки, а все же до берегов Америки ух как далеко!.. Да и не об этом нам теперь надо думать, мистер Марк.

– Как не об этом? Ведь раз нам удастся выйти в открытое море, нам надо будет постараться встретить какое-нибудь судно или же уже самим плыть как-нибудь обратно.

– Эх, эх! Вот то-то же оно и есть! Ведь раньше-то всего нам надо выбраться отсюда, а в этом вся и штука!

– Ах, Боб, так неужели вы думаете, что мы здесь окончательно засели?

– Да что таиться, мистер Вульстон! Я думаю, что если бы здесь даже был сам наш покойный капитан Кретшли и весь наш экипаж, то и тогда все они, вместе взятые, ничего тут поделать не могли бы.

– Мне грустно слышать то, что вы мне говорите, Боб, а вместе с тем и я в душе того же мнения.

– Да, сударь, дело это пропащее! И рифы-то эти, прости господи, хоть бы они в каком-нибудь порядке тянулись в ту или в другую сторону, а то ведь нет! Их будто черт пригоршнями на ветер сеял. Сунься-ка с судном тут, так только и услышишь, как у него шпангоуты трещать будут.

– А все же надо попытаться, Боб.

– Да что и пытаться-то, если возможности никакой нет? Ведь мы с вами люди, и то, что свыше силы человеческой, того мы не можем сделать.

– Но что же делать в таком случае?

– Что делать? Да вот поробинзонствуем немного, пока Господь грехи наши терпит, а там и Богу душу отдадим.

– Поробинзонствуем? – повторил Марк, невольно улыбаясь этому выражению, хотя на душе у него было далеко не весело. – Прекрасно, но ведь у Робинзона был хоть остров, а у нас и того нет!

– Вон там, с подветренной стороны есть какая-то скала, на ней, мне кажется, можно будет прожить как-нибудь, – заметил Боб с таким невозмутимым равнодушием, что во всякое другое время оно могло бы показаться в высшей степени комичным. – К тому же ведь у нас еще судно есть! – добавил он.

– А как вы думаете, Боб, долго ли могут выдержать пеньковые канаты, на которых теперь держится «Ранкокус», если при каждом малейшем движении судна они трутся о подводные



камни? Нет уж, как хотите, Боб, а на месте мы оставаться тоже не можем, здесь нас ежеминутно ждет верная гибель.

– Что правда, то правда! А уж коли так, мистер Вульстон, то, если позволите, вот вам мой совет: там, на корме, у нас еще осталась маленькая шлюпка, вдвоем сесть в нее можно, и парус при ней есть; так вот, возьмем эту шлюпку и отправимся, поближе посмотрим ту скалу, что мы с вами видели сверху. Можно будет захватить с собой и лот и по пути измерить глубину, чтобы узнать, нет ли тут где-нибудь прохода. И помяните вы мое слово, мистер Марк, что если суждено, чтобы «Ранкокус» двинулся со своего места, то это будет только в этом направлении! Исследуем фарватер, осмотрим ту скалу и уже тогда решим, что надо делать, тогда оно виднее будет. А так-то что?!

Совет был, без сомнения, разумный, и Марк согласился. Спустив шлюпку, моряки наши заняли в ней каждый свое место. Боб оттолкнулся, установил парус, и легкий попутный ветерок быстро погнал маленькую шлюпку. Надо заметить, однако, что этот попутный ветер, столь благоприятный в настоящую минуту для наших моряков, мог оказаться менее благоприятным на обратном пути, но об этом еще речь впереди.

Как только шлюпка отчалила от судна, Боб принялся измерять глубину, а Марк предпочел держать руль. Но оказалось, что измерение было крайне затруднительно при столь быстром ходе шлюпки, и волей-неволей нашим морякам пришлось отказаться от систематического промера, который они первоначально задумали. Но, опуская время от времени лот, они все же могли убедиться, что в пространстве между подводными камнями почти повсюду было достаточно воды, чтобы поднять «Ранкокус», но над камнями ее было, конечно, слишком мало для такого большого судна. При всем том лавировать между этими рифами и скалами оказалось гораздо труднее, чем предполагал Марк, и если наши приятели благополучно проплыли между ними, то этим они были гораздо более обязаны милости к ним святого Провидения, чем своей опытности, ловкости и искусству.

Нетрудно себе представить, с каким живым интересом приближались наши моряки к той скале, или островку, который они избрали целью своего осмотра. Этот единственный клочок суши должен был стать их местопребыванием, быть может, на многие годы, быть может, на всю жизнь. При виде всего этого бесчисленного множества подводных скал, камней и рифов, между которыми им только что пришлось проплывать, у Марка почти окончательно исчезла всякая надежда вывести когда-нибудь из этого лабиринта скал свое злополучное судно.

Он едва смел надеяться, что ему удастся привести его хотя бы только туда, куда они в настоящее время направлялись сами.

По мере того как наши моряки приближались к вышеупомянутому острову, они все более убеждались в безошибочности своих предварительных наблюдений и предположений: этот риф, или остров, на самом деле имел не более одной мили в длину и около полумили в ширину и тянулся в направлении с востока на запад; скалистые берега его возвышались всего на несколько футов над водой, кроме той части острова, которая была обращена к востоку, где берег был почти вдвое выше. Середину острова занимала гора, имевшая от шестидесяти до восьмидесяти футов высоты и заканчивавшаяся обширным горным плато, что придавало этой возвышенности форму правильного усеченного конуса. Здесь, на этом острове, было далеко не так много птиц, как на всех остальных островках или, вернее, голых рифах и скалах, теснившихся со всех сторон вокруг главного острова; там этих птиц были целые мириады.

Но вот шлюпка пристала к острову. Трудно себе представить то чувство, с каким Марк высадился на этот пустынный берег, где не было и следа какой бы то ни было растительности. Присмотревшись повнимательнее к характеру местной почвы, Марк вскоре убедился, что остров этот отнюдь не представляет собою кораллового рифа, как он раньше полагал, но что все здесь указывает на его вулканическое происхождение.

Это открытие было далеко не утешительно для Марка и его товарища. Безмолвие этих пустынных берегов нарушали одни только птицы, кружившиеся над головами пришельцев с громким криком и с видом явного любопытства, который, несомненно, доказывал, что они никогда не видели человека; это подтверждала и их полнейшая доверчивость и отсутствие в них всякого страха и робости.

Возвышенность, занимавшая всю середину главного острова, естественным образом прежде всего останавливала на себе все внимание прибывших, а потому наши моряки первым делом направились к ней, в надежде, что с вершины этой горы им откроется более обширный горизонт.

Но, дойдя до подошвы этой возвышенности, они убедились, что взобраться на нее не так легко, как они полагали. С виду гора эта казалась положительно неприступной; однако после долгих стараний им наконец удалось найти одно место, где с помощью рук, коленей и плеч товарища можно было, хотя и не без труда, добраться до ее вершины. Здесь их ожидал новый сюрприз: вместо предполагаемого плоскогорья перед ними зияло, точно разинутая пасть, темное глубокое жерло, которое Марк, не задумываясь, должен был признать за кратер потухшего вулкана.

Наружные стены кратера представляли собою правильное кольцо, а образовавшаяся из застывшей лавы и выгарок кора достигала необычайной толщины. С внутренней стороны эта стена шла совершенно отвесно и лишь в нескольких местах имела небольшие выступы, по которым, и то не без риска, можно было спуститься вовнутрь кратера.

В настоящее время эта внутренность кратера представляла собою совершенно гладкую равнину, поверхностью приблизительно около ста акров. Сама стена кратера достигала почти повсюду высоты шестьдесят футов или около того, только с наветренной стороны она была немного ниже и в одном месте образовывала небольшую брешь, представлявшую собою как бы вход в громадную пещеру кратера.

Без сомнения, здесь некогда пробил себе выход какой-нибудь сильный поток кипучей лавы, о чем свидетельствовал и небольшой пригорок, образовавшийся как раз перед входом в пещеру. Этот увенчанный самородной аркой вход имел около двадцати футов высоты и около двух сажен ширины. Вся поверхность этого потухшего вулкана была покрыта довольно твердой, но хрупкой корой; Марк, пробовавший в нескольких местах пробивать ее ногой, подобно тому как это делают дети с тоненьким слоем льда на едва застывшей луже, заметил, что при этом сапог его каждый раз покрывался микроскопически тонкой, необычайно легкой пылью, или, вернее, налетом, похожим на пепел с примесью песка, гравия и мелких известковых, или меловых, ракушек. Кроме того, почти повсюду встречались явные следы того, что море временами, вероятно в сильную бурю, навещало эти места: черту его вторжений ясно обозначали оставленные на земле густые слои соли. Этим присутствием осадков морской соли можно было отчасти объяснить отсутствие здесь всякой растительности. Марк заметил также и то, что птицы как-то боязливо облетали кратер вулкана и как будто боялись приблизиться к нему, точно они инстинктивно чуяли здесь какую-то опасность. Они сотнями кружились везде по соседству и даже вокруг самого вулкана, хотя и на почтительном от него расстоянии, но ни одна из них никогда не перелетала через его кратер и никогда не пересекала его, стараясь держаться от него как можно дальше.

## Глава V

*Говорю вам, что сын короля высадился на острове. Я видел его собственными глазами на пустынном берегу, сидящего, скрестив руки, горько задумавшись, испуская вздохи.*

*«Буря»*

Окончив этот предварительный осмотр кратера, Марк и Боб снова взобрались на вершину стенок вулкана и присели над сводом, образовавшимся над входным отверстием. Отсюда открывался обширный вид не только на весь этот остров, но и на весьма значительное пространство океана. Теперь Марку становилась понятной геологическая формация этих рифов: очевидно, они находились теперь на высшей точке громадной подводной горы вулканического происхождения, единственными выдающимися над водой частями которой являлись этот остров с кратером потухшего вулкана и небольшая группа окружавших его скал, служивших приютом мириадам птиц.

Обнимая взглядом все видимое отсюда пространство океана, Марк старался определить хотя бы приблизительно территорию, занимаемую подводными скалами, принимая в соображение и то, что ему удалось видеть со своего судна. Совмещая то и другое наблюдения, он пришел к заключению, что площадь, занимаемая подводными отрогами вулканической группы гор, равняется приблизительно двенадцати морским милям.

– Гм, да, мистер Марк, нас таки порядком позатерло здесь, – заметил Боб. – Мы здесь словно Робинзон на своем острове. Разве только то, что он, бедняга, был один-одинешенек, а нас с вами двое.

– Я бы от души желал, чтобы это была единственная разница между ним и нами, Боб, но, к сожалению, это не так: у Робинзона был остров, а у нас – неприглядная голая скала; у него был источник пресной воды, а у нас его нет; у него был лес; а у нас нет ни травинки. Все это весьма неутешительно.

– Вы верно говорите, мистер Вульстон, но вы забываете, что у нас есть «Ранкокус», образцовое судно, которое и сейчас еще так же цело и невредимо, как в тот день, когда мы вышли из Филадельфии; а пока есть на воде хоть одна доска, истый моряк никогда не теряет надежды!

– В этом я с вами согласен, Бэтс. Но судно наше только тогда может быть годно на что-нибудь, если мы сумеем вытащить его оттуда.

– Что и говорить, неважную стоянку себе выбрал наш «Ранкокус», но даже и там, где он теперь стоит, проку нам от него много: во-первых, там у нас такой запас пресной воды, что на нас двоих ее на целый год хватит, а наступят дожди, так эти запасы и возобновить можно будет. А кроме того, наше судно может служить нам жильем, да еще каким! Вы будете жить в капитанской каюте, а я подвешу свою койку на баке, как будто ничего не случилось.

– Бросьте вы эти различия, милый Боб, и не будем никогда более говорить о них. Перед бедой, как и перед смертью, все люди равны! В общем несчастье, как и в могиле, нет ни старших, ни подчиненных. Но вы забыли упомянуть еще об одной важной услуге, которую нам может оказать «Ранкокус», а именно: нам можно будет разобрать его и воспользоваться материалами для сооружения нового судна, надежного для плавания по этим морям и вместе с тем такого, которое можно было бы провести между этими рифами и даже над ними. Тогда, с помощью Провидения, нам удастся, быть может, вернуться в Америку и увидеть наших близких и друзей.

– Не робейте, мистер Марк, не робейте! Я хорошо понимаю, что, когда неотступно стоит перед глазами прелестный образ милой женушки, которая со слезами зовет вас в свои объятия, грешно было бы не стараться придумать какого-нибудь средства, чтобы вернуться к ней. Ведь

душа-то у человека не камень! Так пусть уж будет по-вашему, и когда вы приметесь за дело, я не пожалею рук, чтобы помочь вам.

– А знаете ли, Боб, – продолжал Марк после некоторого молчания, – я думал сейчас о возможности привести сюда наше судно. Если нам удастся привести его в эту бухту, окруженную подводной стеной скал, то здесь, за ветром, оно простоит многие годы. К тому же если мы вздумаем строить новое судно, то нам понадобится более обширная верфь, чем палуба «Ранкокуса», да надо будет подумать и о возможности спустить новое судно на воду. Ввиду всего этого нам прежде всего следует попытаться привести сюда «Ранкокус».

Боб, конечно, не замедлил согласиться, имея в виду еще то, что здесь запасы пресной воды со всем тем, что имелось на судне, будут в целости и сохранности, тогда как там, окруженное со всех сторон подводными скалами и рифами, злополучное судно неминуемо должно будет разбиться вдребезги при первой буре.

Придя к обоюдному соглашению относительно этого важного вопроса, Марк и Боб спустились с вершины кратера и вернулись к своей шлюпке. Море все еще было спокойно, а потому Марк не особенно спешил с возвращением. Он посвятил еще около получаса измерению глубины природной бухты, огражденной подводной грядой скал, едва заметных над поверхностью моря, но прекрасно преграждавших путь морским волнам.

На поверку оказалось, что здесь не только более чем достаточно глубины даже и для большого судна, но что еще, кроме того, дно этого заливчика совершенно чистое, песчаное, что, конечно, было как нельзя более благоприятно для будущей стоянки «Ранкокуса».

Покончив с этим делом, наши моряки пустились в обратный путь. Марк не выпускал из рук лота, тщательно изучая фарватер, причем ему пришлось убедиться, что к исполнению их замысла существуют два серьезных препятствия. Первое состояло в том, что путь, по которому они теперь следовали, лежал в одном месте между двумя грядами подводных скал, тянувшихся на протяжении более четверти мили, почти параллельно друг другу, на расстоянии всего каких-нибудь шестидесяти сажен одна от другой.

В промежутке между ними глубина была вполне достаточной, но пространство между ними было слишком незначительным для того, чтобы могло пройти беспрепятственно такое большое судно, как «Ранкокус». Шлюпка четыре раза прошла этот кусок пути, причем Марк каждый раз внимательно изучал фарватер, измеряя его глубину чуть ли не на каждом аршине и усердно вглядываясь в воду, которая, как почти всегда в этих широтах, была сплошь прозрачна, так что при дневном свете в ней можно было прекрасно видеть все на глубине от двенадцати до восемнадцати футов. При этом наши моряки могли убедиться, что если «Ранкокус» не будет ни на йоту уклоняться ни в ту, ни в другую сторону и пройдет прямо, как стрела, через эту теснину, то никакая иная опасность здесь не будет грозить ему. Вторым же, более серьезным препятствием на пути к упомянутой бухте был большой подводный утес, хотя и находившийся на весьма значительной глубине, но все же недостаточной для судна с таким водоизмещением и так глубоко сидящего в воде, как их славный «Ранкокус».

За исключением только одного места не более ста футов шириною, представлявшего собою, по-видимому, глубокую расщелину подводного утеса, судно никоим образом не могло бы пройти в этом месте, в расщелине же было достаточно воды, и только тут можно было с большой осторожностью провести «Ранкокус». По обе стороны этого узкого прохода необходимо было поставить вехи или буйки, так как малейшее уклонение вправо или влево повлекло бы за собой неминуемую гибель судна.

Марк и его товарищ вернулись к себе на «Ранкокус» лишь около трех часов пополудни. Их свиньи, птицы и козочка очень обрадовались их возвращению, так как бедные животные со вчерашнего дня ничего не ели. Накормив бедных животных, наши друзья присели за свою скромную трапезу, состоявшую главным образом из холодного мяса. Окончив свой обед, Марк

снес на шлюпку два буйка и необходимые для их установки небольшие якоря и затем немедленно отправился вместе с Бобом к опаснейшему месту пути.

Им пришлось целый час отыскивать это место, и затем они более часа провозились с установкой буйков. Окончив эту работу, наши приятели вернулись, не теряя ни минуты, на судно, так как погода должна была, по-видимому, измениться к худшему. Теперь следовало решить, попытаться ли им немедленно тронуть судно с места, чтобы укрыть его в надежной бухте, прежде чем успеет налететь буря и пока только что пройденный путь еще свежо сохранился у них в памяти, или же положиться на выносливость и прочность якорных канатов и верить им свою судьбу. Несмотря на свою крайнюю молодость, Марк был очень смышлен в своем деле, и на этот раз он решил, что тронуться сейчас же будет все же менее рискованно и опасно, чем при наличии данных условий оставаться на месте. Раз было принято это решение, терять даром время было нельзя; каждая минута была теперь дорога. Ветер уже начинал давать себя чувствовать порывами, солнце уходило в облака, и на всем горизонте с подветренной стороны небо приняло какой-то зловещий вид. С минуту Марк колебался, но в этот момент Боб Бэтс крикнул ему, что все уже готово, и, высоко подняв над головою топор, Марк ударил им по канату. То был решающий удар.

В такого рода плавании малейшая ошибка могла бы стать губительной, а потому Марк настоятельно приказал Бобу зорко смотреть вперед. Он раз десять окликал его, справляясь, не видит ли он буйков. Наконец он услышал желаемый ответ:

– Вот они! Славно! Так, так, командир! Разве вы их все еще не видите? Вон, вон!

Минуту спустя и Марк увидел сперва один буюк, а затем и другой; они показались ему на этот раз как-то страшно близко один от другого.

– Руль по ветру! Будь что будет! – крикнул он. А сам, затаив дыхание, следил за малейшим движением судна, которое легко и свободно направилось между двумя роковыми значками. С замиранием сердца ждал он с секунды на секунду, что оно вот-вот взроет носом землю. Но вот буйки остались за кормой судна. Первая страшная опасность миновала. – Смелей вперед!

Оставалась еще вторая половина пути; отыскать тот узкий проход между двумя грядами скал было не так-то легко; а тем временем ветер уже настолько усилился, что море повсюду бурлило и клокотало, дробясь о подводные камни. Но когда ему наконец удалось распознать его, Марк уже более не страшился ни волнения, ни ветра. Отсюда уже был виден кратер, и ошибиться в направлении не было никакой возможности. Гордо вздымаясь на волнах, «Ранкокус» как стрела пронесся через узкий проход между скалами и камнями. Теперь оставалось только еще обогнуть северную часть Рифа, как окрестил Боб главный остров, и, войдя в бухту, выбрать наиболее удобное место для того, чтобы стать на якорь.

И вот, когда «Ранкокус» встал наконец на лучший из своих якорей, плавно покачиваясь посреди хорошо защищенной бухты, где волнение было почти нечувствительно, всего в каких-нибудь полтора футах от острова, Боб высоко подбросил в воздух свою шапку и тремя радостными возгласами торжествовал победу. А Марк, стоя на корме своего судна, молча воздал благодарение Богу за его милость и помощь в этом трудном деле.

Поистине будущие обитатели острова не могли даже желать лучшей якорной стоянки для своего судна. Вскоре Марку и Бобу пришлось от души порадоваться принятому ими решению, потому что в эту ночь не раз налетал такой шквал, что навряд ли бы судно их могло уцелеть, если бы оно оставалось на своем прежнем месте.

Даже здесь, в этой закрытой бухте, море бурлило и пенилось, и разбившиеся о природную преграду волны обдавали своими брызгами плавно колыхавшееся судно. Марк оставался на палубе до полуночи и затем спустился в каюту, где проспал до утра. Боб, отстояв свою вахту, с вечера забрался на свою койку и появился снова на палубе лишь поздно утром. Марк, вставший раньше его, еще раз осмотрел со всех сторон окружающую их местность и затем спустился

в каюту, где уже был накрыт и подан приготовленный Бобом завтрак на обеденном столе капитана. За завтраком между Марком и Бобом завязался обычный дружеский разговор.

– А что вы думаете, Боб, ведь если бы мы остались на нашем прежнем месте, едва ли бы мы с вами сегодня имели такую столовую и такой завтрак!

– Да, пора было выбраться оттуда, а все-таки, хотя я первый стоял за то, чтобы уйти оттуда, сознаюсь по совести, я не надеялся добраться сюда. Ну а теперь надо только Бога благодарить!

– Вы правы, Боб! При всем постигшем нас несчастье наша участь много отраднее участи наших товарищей и стольких других моряков, суда которых разбивались и шли ко дну.

– Да, мистер Марк, ведь это много значит, что наше судно уцелело! И меня радует, что вы не падаете духом; я было опасался, что воспоминания о вашей молодой супруге отравят вам те радости, которые могут еще встретиться нам здесь.

– Конечно, разлука с женой для меня очень прискорбна, Боб, я этого не отрицаю; но я надеюсь на милость Господню и хочу верить, что Он когда-нибудь поможет нам выйти отсюда.

– Понятно, надеяться надо, а пока у нас громадных запасов пресной воды, солонины, свинины и всяких других припасов лет на шесть хватит, муки и хлеба на целый век, а кроме того, и лакомств разных немало.

– Да, наше судно имеет прекрасные запасы, но вот беда, – мы уже полтора месяца питаемся исключительно соленым мясом, и если это будет продолжаться так еще хотя бы дней пять, то нам не миновать цинги.

– Ох, упаси нас Господь от такой напасти! Да здесь должно быть рыбы вволю, хлеб у нас есть, и, отказавшись хоть на время от солонины и свинины, мы избежим этой беды.

– Что и говорить, свежая рыба весьма полезна в таких случаях, а черепахи были бы еще полезней; но главным образом поддерживает в таких случаях здоровье человека разнообразие в пище; надо чередовать почаще мясо, овощи, рыбу и плоды. Чего нам здесь недостает, так это хотя бы только небольшого клочка земли, пригодной для того, чтобы развести здесь нечто вроде огорода. Я не видел вчера здесь клочка травы. И даже морских трав, самых обычных, я не встречал нигде. А в здешнем климате все овощи и фрукты пошли бы превосходно.

– Да, это так, и я-то в этом деле мог бы вам кое-чем служить: есть у меня в одном мешочке отборнейшие семена тех дынь, что мы едали с вами на Востоке. Вот если бы их здесь посеять, так славные бы фрукты были у нас к столу!

– Да, это мысль прекрасная, добрейший Боб, тем более что теперь ведь как раз удобнеее время для посевов. Мне помнится, что там у нас на судне еще найдется где-нибудь хоть несколько картофелин для посадки.

– Картофель у нас есть, я это точно знаю, да и семян-то всяких там немало.

Весь завтрак приятели беседовали все на ту же тему, и едва встали из-за стола, Марк, не медля ни минуты, тут же принялся сортировать различные найденные им семена, пока Боб перемывал и прибирал посуду. На судне жили несколько свиней; эти животные избрали для себя жилищем одну из тех больших шлюпок, которые были спущены с судна в ту роковую ночь. С тех пор, лишившись избранного ими хлева, они бродили по всей палубе, ютясь то тут то там, вследствие чего, понятно, порядок и чистота на палубе немало пострадали, и Боб решил спустить этих свиней теперь же прямо в море, будучи уверен, что они вплавь достигнут берега; так и случилось на самом деле.

Очутившись на суше, эти четвероногие с большим усердием принялись взрывать землю, по-видимому, вполне довольные своей участью, а Марк стал собирать в небольшой бочонок оставленные ими нечистоты, чтобы воспользоваться ими в качестве удобрения для будущего огорода. Заметив это, Боб сказал, что знает несравненно лучшее удобрение, которого к тому же здесь должно быть вволю: в Перу и Чили жители почти исключительно пользуются для этой цели птичьим пометом, который собирают на всех прибрежных скалах и утесах. В последнее

же время птичий помет стал даже немаловажным предметом экспортной торговли под названием гуано. При всех своих прекрасных качествах это гуано имеет еще и то значительное преимущество, что его надобно сравнительно немного; испанцы, по преимуществу пользующиеся этим прекрасным удобрением, обкладывают им свои посадки и растения по мере надобности или же сообразно росту и развитию растений. В заключение Боб предложил отправиться сейчас же на один из ближних островов, кишевших птицами всех размеров и видов, чтобы добыть там это гуано.

Марк с радостью принял это предложение; забрав с собою корзину и лопаты, они отправились вдвоем на один из тех утесов, или островков, о которых мы уже говорили выше. Не более как за полчаса они собрали там изрядное количество того самого гуано, о котором Боб рассказывал такие чудеса.

Прямо оттуда они отправились на Риф и там пристали недалеко от входа, ведущего вовнутрь кратера, куда они, выйдя из шлюпки, сейчас же и направились.

Здесь свиньи уже взрыли почву в нескольких местах; присмотревшись повнимательнее к их работе, Марк убедился, что под верхним слоем коры лежит довольно рыхлая и крупная зола, которая, будучи подвергнута непосредственному влиянию воздуха, с примесью многообещающего гуано и всевозможного мелкого сора, кухонных отбросов и тому подобного, могла бы дать, быть может, почву, достаточно пригодную для скромных огороднических целей.

Еще накануне, находясь на вершине кратера, Марк приметил там два-три местечка, показавшихся ему наиболее подходящими для первого посева, тем более что на вершину уж никак не могли взобраться четвероногие обитатели Рифа, а следовательно, ни грядкам, ни ожидаемым всходам не грозила никакая опасность.



## Глава VI

*Они приходят приветствовать восход солнца и насладиться первыми проблесками дня; но мгновения дороги, их сады ждут их. Их только двое для ухода за ними, и как они успевают управиться с таким огромным количеством работы.*

**Мильтон**

Взбираясь на вершину кратера, Марк по пути вырубал в стене уступы наподобие ступеней, которые должны были впредь значительно облегчить этот подъем. Добравшись до вершины, Марк отыскал заранее намеченные им места и, размотав имевшийся при нем обрывок снасти, бросил один конец этой веревки вниз, внутрь кратера. Боб, остававшийся внизу, сейчас же привязал к нему корзинку с гуано, а Марк проворно втащил ее наверх. Повторив эту операцию несколько раз, товарищи перетаскали на вершину все, что им было нужно. После этого Боб вернулся к шлюпке, чтобы прикатить оттуда тот бочонок со свиным пометом и разным другим мусором, который они захватили с судна. Втащив и это на вершину кратера, Марк принялся усердно вскапывать землю и перемешивать ее тщательным образом с имеющимися у него различными «снадобьями». Боб также не терял даром времени: на одном из островков, ближайших к Рифу, отыскал изрядное количество различных морских водорослей. Не говоря ни слова, он сделал рейсов шесть в своей шлюпке туда и обратно и каждый раз привозил огромную охапку этих водорослей, которые затем таким же порядком были доставлены при помощи каната на вершину и поступили там на удобрение почвы для посева. Вслед за последней охапкой этих трав Боб сам отправился туда же, хотя и иным путем, и присоединил свои усилия к усилиям своего товарища.

Вдвоем они проработали там еще около часа, после чего решили, что теперь, пожалуй, можно бы рискнуть посеять что-нибудь из их семян. Для опыта они избрали дыни, бобы, горох и кукурузу; кроме того, посеяли еще немного огурцов и лука. Все эти семена были припасены судовладельцем «Ранкокуса», принадлежавшим к секте квакеров, известной под названием «Друзей». Учение «друзей» является какой-то странной смесью проповеди широкой филантропии и страсти к наживе; вот почему судовладелец в числе массы других полезных и необходимых предметов сделал большой запас всяких семян, которые предназначались, как и многое другое, для раздачи туземцам тех островов, куда шел на этот раз его корабль.

Когда наши приятели спустились вниз с «вершины», как решил назвать весь верхний край возвышенности кратера Боб, наступил уже час обеда. В долине кратера наш добрый Боб устроил что-то вроде навеса с помощью обрывков старых парусов, захваченных им с собой на всякий случай. Тут они прекрасно пообедали, а потом вздремнули часок-другой. Во время этого обеда наши друзья обсудили все, что им уже удалось сделать здесь и что еще предстояло сделать для своего удобства и благополучия. Между прочим было решено, на случай беды, еще прочнее укрепить «Ранкокус» при помощи надежных канатов.

Проснувшись часов около двух пополудни, Боб прежде всего позаботился о свиньях: он накормил их и думал было напоить, но Марк нашел это совсем излишним ввиду того, что надвигались тучи; можно было ожидать дождя с часу на час, и тогда в расходе воды не было необходимости. Заметив между тем, что один боровок усердно взрыл почву у самого основания стены кратера, причем провел довольно правильную борозду, усеянную на известном расстоянии друг от друга маленькими кучками рыхлой золы, Марк возымел желание воспользоваться этой работой боровка для нового посева горсточкой семян лимонов, апельсинов, винограда, смоковниц, померанцев и других плодов.

По окончании работы Марк стал думать и о том, как оградить посевы от всяких злоключений. И с этой целью он, выходя из кратера, изгнал оттуда предварительно свиней, а сам вход загородил все тем же старым парусом, который надежно укрепил с правой и с левой стороны прохода, так что он заменил собой калитку или щит. Препграда, конечно, была слишком слаба и недостаточна, и если она на первых порах все-таки сослужила свою службу, то это, наверное, благодаря лишь тому, что все старания небольшого стада отыскать внутри кратера хоть что-нибудь, годящееся в пищу, остались совершенно безуспешны. В противном случае все бы было иначе.

Тем временем гроза, казалось, готова была разразиться каждую минуту; ввиду этого наши приятели поспешили вернуться на свое судно, чтобы не промокнуть до костей. Действительно, едва они успели укрыться в каюте, как полил дождь.

Благодаря изменившемуся ветру судно прибывало слишком близко к подводной стене, служившей оградой маленькой бухте, и хотя оно не ударилось о нее, но время от времени задевало, что еще более убедило наших моряков в необходимости более прочно укрепить «Ран-кокус». По этому случаю Боб подал блестящую мысль свезти на берег наиболее крупный и надежный из их якорей, укрепить его где-нибудь в скалах, так чтобы он зацепился за них и сидел неподвижно, и затем притянуть к нему судно при помощи надежных канатов.

Но так как для перевозки якоря понадобился бы плот (их маленькая шлюпка была непригодна для этой цели), то сооружение плота и перевозка якоря были отложены до следующего дня.

Марку очень хотелось взглянуть на то действие, какое произвел этот ливень на их молодые посадки и посевы и на количество воды, оставленное дождем на Рифе, а потому было решено отправиться на часок-другой на остров перед наступлением сумерек. Отправляясь в путь, Боб вдруг вспомнил о проживавших на судне домашних птицах, курах и утках, имевших до крайности жалкий вид; это было неудивительно, если принять во внимание, что эти несчастные пернатые находились уже более пятидесяти дней в открытом море. Боб предложил поселить их на острове, предоставив им самим отыскивать себе пищу, причем намеревался, со своей стороны, по мере надобности подкармливать их и приглядывать за ними. С разрешения Марка куры и утки были выпущены на волю. Завидев сушу, они направились одни вплавь, другие летом к острову, где тотчас же и принялись что-то поклевывать с такой жадностью, как будто перед ними было рассыпано самое отборное зерно. К немалому удивлению Марка, оказалось, что и вся палуба усыпана какими-то мелкими слизистыми шариками, которые выпали, очевидно, вместе с дождем и пришились, как видно, очень по вкусу не только всем птицам, но также и свиньям.

Теперь на судне оставалось только одно живое существо, кроме Марка и его приятеля Боба; то была коза, и хотя от нее едва ли можно было ожидать какой-либо пользы, да и кормиться-то ей здесь на острове было положительно нечем, все же Марку казалось бесчеловечным резать или заколоть это бедное животное тогда, когда Господь помиловал их всех в минуту смертельной опасности. Поэтому было решено свезти на остров и ее. Прибыв туда, Марк убедился, что все, даже малейшие углубления скалистой почвы острова были наполнены дождевой водой и что сама почва впитывала в себя лишь очень малое количество воды. Воды было так много, что ее хватило бы теперь на то, чтобы наполнить все бочки и бочонки, имевшиеся на судне, что было очень утешительно для них на будущее.

Что же касается их посевов, то дождь нимало не повредил им, и хотя каждая лунка, вмещавшая в себя зерно или семя, вплоть до краев была наполнена водой, тем не менее ни одна из них не была размыта ливнем. Марк опасался, что запоздал с посадкой и засуха, которая вскоре должна наступить, погубит его всходы. На этот раз им досталась изрядная поливка. Принимая во внимание могучее влияние солнца в этих широтах, Марк был уверен, что потребуются лишь немного дней для того, чтобы иметь возможность безошибочно судить о результатах смелой

попытки оплодотворения мертвой почвы острова. Осмотрев свои посевы и посадки, Марк и Боб вернулись на «Ранкокус». И в эту ночь оба они спали так сладко и крепко, как не спали уже давно на «Ранкокусе». Два последующих дня были употреблены ими на укрепление их судна на якоре. Старания их наконец увенчались успехом. Теперь «Ранкокус» находился всего на расстоянии ста футов от берега; с помощью досок, надежно укрепленных на козлах, получилось что-то вроде длинного трапа или мостков, благодаря которым в любое время можно было сухим путем сообщаться с островом, не имея надобности прибегать для того каждый раз к шлюпке. Работы эти были ими окончены лишь на вторые сутки после полудня. День этот был суббота, и Марк решил, что впредь они будут чтить, как должно, воскресные дни и посвящать их всецело Господу Богу. В дни невзгод человек чаще всего вспоминает о Боге и о своих обязанностях по отношению к Нему, а потому нет ничего удивительного в том, что и наши моряки вспомнили о Нем.

Так, в воскресенье, когда Марк расхаживал по своим владениям, мысленно возносясь к Богу или переносясь к воспоминаниям о Бриджит и не покидавшей его все это время мысли о возможности свидания с нею, Боб, вскочив в лодку, отправился на рыбную ловлю на один из соседних утесов, которых тут, на пространстве какой-нибудь полумили, было около двадцати. Некоторые наиболее крупные из этих скалистых островов имели до шести акров площади, большинство же из них не имело, пожалуй, даже и сотни футов площади.

Боб Бэтс был страстный любитель рыбной ловли; он готов был проводить за этим занятием целые дни напролет, но с условием иметь при себе достаточный запас табака.

Большой для него утехой в настоящем горе было то обстоятельство, что на «Ранкокусе» имелись громадные запасы табака, оставшегося от погибших товарищей. Марк любил охоту, но здесь ружье было почти совсем не нужно, так как из миллионов птиц, кишевших всюду, не было ни одной, пригодной для стола. Однажды Марк, гуляя по своему острову, мысленно сравнивал себя с известным Робинзоном и другими ему подобными невольными жителями необитаемых стран и островов. Хуже всего было, конечно, то, что на Рифе не было растительности или хоть воды для орошения посевов на случай, если бы показались всходы. Правда, теперь почти ежедневно выпадал дождь, но со дня на день дожди могли прекратиться, и тогда моряков ожидала страшная засуха. Риф к тому же был до крайности однообразен и очень невелик. Кроме кратера ничто не нарушало его унылого однообразия. Хорошо еще, пока на судне есть небольшой запас дров, ну а когда он выйдет, чем тогда им развести огонь, хотя бы под плитой? Ведь здесь нигде нет ни сучка, ни кустика!

С другой же стороны, великим счастьем для Марка и для Боба могло считаться то, что судно их осталось цело со всем своим провиантом и запасами. Это снабженное всем необходимым судно могло дать им и жилище, и одежду, и еду, и пресную воду, и топливо в таком количестве, что всего этого им хватило бы на многие годы, при некоторой бережливости и аккуратности. Конечно, не иметь возможности утолить жажду у светлого ключа было до некоторой степени лишением; но удерживавшаяся в углублениях гладкой, точно отполированной скалы и затем сохраняемая в специально для того приспособленных бочонках или цистернах чистая дождевая вода являлась очень сносным напитком для моряков. А в каюте капитана был фильтр.

С заходом солнца вернулся Боб. К немалому удивлению Марка, маленькая шлюпка почти по борт сидела в воде; он поспешил на помощь товарищу, направлявшемуся к входному отверстию кратера. Улов Боба состоял из десяти или двенадцати крупных рыб; некоторые из них были даже весьма значительной величины и внушительного вида, но все совершенно незнакомые нашим морякам. Отобрав наилучших из них, Марк выбросил остальные свиньям и птицам. Свиньи тотчас же с жадностью накинулись на это угощение, а куры пожеманились сперва немного, вероятно, вследствие того, что раньше уже успели утолить свой голод насекомыми и слизнями, но после и они одумались и, в свою очередь, приналегли на остатки этого еще

совершенно нового для них угощения. Теперь нашим морякам нечего было заботиться о пропитании своих животных и птиц; только для козочки такого рода корм был непригоден.

Но надо вам сказать, что не одна лишь рыба составляла главный груз маленькой шлюпки Боба; он нагрузил ее по самые борта каким-то растительным илом, который нашел в расщелине одной из скал, где он образовался, вероятно, из перегноя разных морских водорослей.

– Да ведь этот ваш ил как нельзя больше походит на прекрасный чернозем! – воскликнул обрадованный Марк, предварительно испробовав его при помощи всех своих пяти чувств. – И много его там?

– О, сколько вам угодно, мистер Марк! Пространство, занимаемое этим илом, ничуть не меньше площади нашего кратера.

– Прекрасно, с будущей недели мы займемся им; благоразумие требует от нас, чтобы мы не пренебрегали ничем, что может способствовать нашему благополучию, даже и в том случае, если Господь поможет нам вернуться на родину.

– Вернуться вновь на родину! А вы все еще думаете туда вернуться? Нет, мистер Марк, уж лучше нам совсем не говорить об этом! А вот насчет ила, так я вам доложу, что спаржа, наверное, хорошо бы на нем уродилась; а семена-то спаржи у нас ведь тоже должны быть где-нибудь на корабле.

– Все семена, какие только есть, находятся в тех двух-трех ящиках, что стоят между деками. Пока я принесу лопату и выгрузу ваш ил, вы, Боб, займитесь-ка приготовлением этой рыбы к ужину. Мы уже, бог весть, как давно питаемся все только солониной, а свежая-то рыбка будет нам куда как полезна!

Затем и Марк и Боб занялись каждый своим делом: Марк с помощью лопат и тачки перевозил весь ил вовнутрь кратера, где складывал его в одну большую кучу с намерением навалить впоследствии сюда нечистоты, грязь и сор, какие встретятся в их обиходе. А Боб тем временем отправился на кухню на «Ранкокус» и занялся стряпней. Он изготовил к ужину прекрасное жаркое и приготовил из той же рыбы на завтра любимую им матросскую похлебку.

## Глава VII

*Успокойся, бедный, покинутый! Проницательное око видит все,  
небо и землю, видит также и твое горе. Час освобождения скоро  
настанет.*

*Мистрис Гименс*

Всех людей, искренне верующих и религиозных, воскресный день особенно располагает к размышлению о Боге и всех Его благодеяниях к нам. Среди житейских треволнений и сует мы, люди, часто как бы забываем о своей зависимости от высшего существа; каждый рассчитывает лишь на самого себя, надеется на свои собственные силы, в безумной гордости преувеличивая и свои силы, и свои способности и забывая о том, кто их дал нам.

Когда же человек очутится один, вдали от мира и людей, беспомощный, в критических условиях, тогда он поневоле начинает сознавать все свое ничтожество и смиренно обращается к Тому, Кто лишь Один Всемогуш и Всесилен.

Поутру, в воскресенье, Марк прочел вслух церковное богослужение с начала до конца; Боб очень внимательно слушал его. По окончании чтения, к которому наши друзья сочли необходимым подготовиться, то есть тщательно приодеться, побриться и помыться, они отправились погулять на Риф.

Они шли, дружески беседуя между собой о всех своих делах, как вдруг Боб упомянул о том, что в трюме есть остов и все части разобранной пинасы<sup>2</sup>.

– И если только память мне не изменяет, то судно это, кажется, не маленьких размеров и приспособлено носить и паруса и мачты, – добавил Боб.

Марк выслушал его спокойно, но в глубине души он был вполне уверен, что Боб жестоко ошибается на этот раз. Верно было только то, что всякого рода строительного леса и разного другого материала имелось на «Ранкокусе» вдоволь и что построить из него со временем какое-нибудь судно было весьма возможно, хотя и нелегко.

В такого рода разговорах, в молитве и предположениях об участии, постигшей их товарищей, прошел воскресный день наших приятелей. Ночью прошел сильный дождь, воды повсюду было очень много; Марк захотел взглянуть на запас ила в кратере, а Боб отправился опять половить рыбу, причем привез с собой еще немного того ила. За одну эту ночь дождь до того промыл весь находившийся в кратере ил, что когда Марк попробовал его на вкус, то убедился, что он утратил очень значительную долю содержавшейся в нем морской соли, что было весьма и весьма утешительно для его широких замыслов по части огородничества.

Весна была еще только в самом начале, так что Марк мог надеяться еще успеть надлежащим образом подготовить достаточно большую площадь годной под огород земли, и как раз вовремя, чтобы вывести на ней кое-какие овощи.

Пока Боб был занят рыбной ловлей, Марк стал работать над настилкой пола на том плоту, который был ими изготовлен ранее для перевозки якорей на Риф; теперь же Марк рассчитывал воспользоваться им для перевозки ила. Едва успел он кончить это дело, как возвратился Боб с новым запасом ила, который тут же выгрузили, и затем решили немедленно опять отправиться на тот утес с плотом и со шлюпкой.

Первой заботой Марка, тотчас же по прибытии на место, было избрать удобное местечко, вскопать его, смешать с достаточным количеством гуано и засеять там маленький участок спаржей. Пока Марк возился со своим посевом, Боб нагрузил и плот и шлюпку, и с этим драгоценным грузом они направились обратно к кратеру.

---

<sup>2</sup> *Пинас*, пинаса или пинка, – небольшое мореходное парусное судно.

Последующие две недели прошли в подобных же занятиях; не проходило дня, чтобы наши друзья не побывали на утесе ила и не вернулись оттуда с полным грузом. Кроме того, за это время было выполнено немало и других работ; так, например, они наполнили водой все имевшиеся на судне бочки для воды. Хотя запасы их еще не истощились, и по расчету Марка имевшейся у них в наличности воды должно было хватить на целых два года, но следовало запастись ею вовремя, так как дожди могли со дня на день прекратиться. Когда все бочки и бочки были наполнены и тщательно размещены в порядке в трюме, их накрыли еще старой парусиной, чтобы предохранить от оседавшей пыли. До того времени еще не было надобности раздавать воду птицам и домашним животным: они всегда имели ее в достаточном количестве в тех лужах, которые образовывались каждый раз после дождей во всех малейших углублениях почвы.

Бэтс не переставал усердно заниматься рыболовством, исправно поставляя рыбу не только к столу, но и на корм свиньям и курам. Кроме того, он часто отправлялся добывать гуано и привозил его всегда в большом количестве.

Однажды ему пришлось в голову отправиться подальше за черту подводной гряды. Прошло около двух часов с тех пор, как он уехал, как вдруг Марк, работавший в долине кратера, услышал крик товарища и тотчас догадался, что тот зовет его к себе на помощь.

Выбежав на берег, он был немало удивлен видом той громоздкой добычи, которую тащил Боб Бэтс.

Оказалось, что там, под ветром, у того утеса, где удил Боб, образовалось громадное скопление плавучих морских трав; когда же эта громоздкая спутавшаяся масса не могла более уместиться на том пространстве, где она ютилась до тех пор, то вдруг сама собою отделилась и, подгоняемая ветром, поплыла вниз по течению к южной части Рифа. Боб Бэтс не без труда заставил эту плавучую копну обойти южную оконечность Рифа и силился направить ее теперь поближе ко входу в кратер. Поняв тотчас же, чего от него требуют, Марк захватил веревку и перебросил ее Бобу, который в свою очередь, закинув ту веревку на копну, с успехом подтянул ее туда, куда счел более удобным. Эта неожиданная находка пришлась теперь как нельзя более кстати. По своему объему эта плавучая копна не уступала двум большим возам сена; в этой траве засело множество ракушек и улиток, чему особенно обрадовались куры, как блюду, крайне лакомого для них, а свиньям сама трава пришлась по вкусу. Хотя время было уже позднее, наши друзья все же вооружились вилами и принялись поспешно убирать эту траву внутрь кратера, оставив тут на берегу лишь незначительную часть для кур и для свиней. Прошло дней десять; наши друзья стали держать совет и решили прежде всего заняться подготовкой почвы, хотя бы только полуакра<sup>3</sup> земли под огород. Несмотря на громадное богатство по части всевозможных удобрений, Марк не особенно рассчитывал здесь на успех; тем не менее он согласился посвятить удобрению и подготовке земли к посеву целый месяц, а уж все остальное предоставить самой природе.

Первый месяц их пребывания на Рифе подходил уже к концу. Наши приятели решили наконец осуществить давно задуманную идею, то есть приняться за постройку нового небольшого судна, на котором можно было бы добраться до берегов Южной Америки или же хотя бы до одного из ближних населенных островов.

На другой день все утро шел сильнейший дождь, вследствие чего наши приятели вынуждены были остаться у себя на судне. Они воспользовались этим обстоятельством, чтобы хорошенько ознакомиться со всеми сокровищами и богатствами «Ранкокуса» и прежде всего с теми двумя-тремя ящиками, которые стояли между деками, и где должны были находиться все семена. Затем они спустились в трюм; всякого рода леса и досок здесь было очень много, но ничего похожего на остов или же составные части судна вроде пинаса не оказалось, а

---

<sup>3</sup> Акр – английская мера, равняется тридцати семи сотым десятины.

потому как Марк, так и Боб остались каждый при своем первоначальном убеждении. Различных инструментов и орудий тут было также очень много. Очевидно, «друг» Авраам, главный владелец судна, прекрасно сознавал в душе, что поступает не совсем похвально, способствуя, хотя косвенно, идолослужению доставкой в Кантон сандала, употреблявшегося для курений в честь идолов, и потому ему хотелось хотя немного искупить свою вину или загладить ее каким-нибудь благим делом по отношению к тем дикарям, у которых он за бесценок скупал сандал. Будь он пресвитерианец, он, вероятно, завалил бы с этой целью половину судна всякого рода книжным хламом духовно-нравственного содержания в виде душеспасительных книжонок и брошюр и разных нравственных трактатов; но друг Авраам принадлежал к той секте, которая настолько же достойна уважения на самом деле, насколько кажется смешной в своих теориях, а потому эти духовные брошюры и весь этот религиозный хлам не мог бы убаюкать его совесть. Вот почему друг Авраам затратил до тысячи долларов на разные орудия, инструменты и семена, которые могли оказать немалую пользу туземцам различных островов Тихого океана.

В числе этих семян Марк натолкнулся на семена клевера и других луговых трав в таком количестве, что ими можно было бы засеять весь кратер сплошь.

Тем временем погода прояснилась, и Марк и Боб отправились на Риф, забрав с собой полную корзину гуано и семян. Друзья не были там с тех пор, как Марк удобрил почву и сделал первые посевы. Марк приближался к месту, где были его грядки, почти без всякой надежды на успех. Ведь у него тогда не было даже ила, который бы он мог смешать с той рыхлой пепельной золой, какой являлась здесь повсюду нетронутая, девственная почва. Каковы же были удивление и радость наших двух друзей, когда они увидели расстилавшиеся по земле зеленые всходы с чуть заметными завязями на тоненьких стеблях.

Итак, важный вопрос о пригодности природной почвы Рифа отныне был решен положительно. Понятно, что радость Марка по этому случаю не знала границ. Какое счастье, в самом деле, что козочка еще ни разу не была здесь в течение всех этих двух недель; как видно, безуспешность первых ее посещений отбила у нее охоту взбираться снова на вершину; теперь же, если ей случится увидеть здесь хоть издали свеженькую зелень, то нарождающимся дыням, наверное, грозит ужасная беда. Поэтому Марк решил продержат козу взаперти на судне до того времени, пока не будет выстроена здесь изгородь, достаточно прочная для того, чтобы преградить козе доступ к столь драгоценной маленькой бахче; а сделать это, в сущности, было совсем нетрудно: с внешней стороны взобраться на вершину, хотя бы даже и козе, было возможно лишь только в трех местах, как мы уже говорили выше. Исключая эти три пункта, стена повсюду поднималась совершенно отвесно на высоту десяти или двенадцати футов. Лишь в двух местах скатившиеся обломки скал и твердой лавы образовали нечто вроде ступеней, которые нетрудно было уничтожить и таким образом сделать и эти пункты недоступными: третий путь к вершине решено было временно загородить особой загородкой.

Позабывшись о сохранении своего вновь приобретенного сокровища, Марк принялся засеивать травой внешние скаты кратера. Понятно, что он не рассчитывал на то, чтобы все засеянное вошло; он счел бы свой труд далеко не напрасным даже и в том случае, если бы по склонам кратера засело хотя бы несколько кустиков зеленой травы, на которой мог бы отдохнуть утомленный однообразием глаз.

Следом за ним шел Боб, разбрасывая гуано повсюду, куда Марк кидал семена. Выпавший вскоре дождь смочил последние посевы и принес этим немалую пользу будущей растительности.

Сделав все, что от них зависело, они спустились вовнутрь, в так называемую ими Долину кратера, где Марк намеревался разбить сравнительно обширный сад. На планировку, удобрение и подготовку почвы для будущего сада ушло около двух недель; тем временем дожди стали выпадать уже реже, и лишь время от времени проливались над Рифом сильные ливни, но они еще более, чем постоянные дожди, способствовали произрастанию растений.

За эти две недели посевы, посаженные на вершине кратера, успели дать порядочные всходы благодаря влиянию тропического солнца. Но теперь следовало опасаться в ближайшем будущем тех продолжительных засух, которые обычно губят всякую растительность и главную причину которых следует искать не в высокой температуре воздуха, а в других местных условиях климата.

По мере того как дело подходило к лету, Марк начинал успокаиваться относительно ужасного, губительного влияния местной жары. Он убедился, что пассатные ветры, а быть может, и еще другие какие-либо неизвестные ему причины постоянно нагоняли тучки, которые не только проливались благодатным дождем над посевами, но вместе с тем и умеряли нестерпимый зной солнечных лучей.

Ввиду приближения лета Марк устроил внутри вулкана палатки, не желая быть захваченным врасплох безмерно жарким здесь временем года. При помощи нескольких старых парусов и мелких мачт здесь вскоре сооружено было жилье, довольно просторное и удобное. Но Марк заботился не об одном только себе. Снаружи он устроил еще другой полотняный, то есть парусиновый, навес для всех своих домашних животных и птиц, которые с необычайной радостью спешили укрыться там. Но это простое сооружение оказалось более трудным, чем это предположили Марк и Боб, так как от него требовалась особая прочность и устойчивость ввиду того, что он постоянно подвергался влиянию сильных ветров, тогда как внутри кратера, защищенного со всех сторон непроницаемой стеной, чувствовался теперь уже недостаток воздуха, вследствие чего Марк и решил построить для себя небольшой павильон на самой вершине, где всегда была благоприятная температура.

Когда было избрано место для павильона, за материалами дело не стало, и вскоре наши искусные строители имели новое жилище.

В этих хлопотах прошли еще недели две; наши отшельники незаметно доживали третий месяц своего пребывания на Рифе. Они успели свыкнуться со своим одиночеством и урегулировали до известной степени свои занятия и обязанности.



## Глава VIII

*То нарождающийся день своими плодоносными слезами смачивает  
нежно чашечки цветов, то, отражаясь волнами света от раскаленной  
скалы, он с удвоенной силой разливается по всей прерии.*

*Севедж*

Как только новый павильон, или палатка, был готов, Марк перетащил туда значительную часть своих книг, которых у него было изрядное количество, свою флейту и письменные принадлежности. Там он проводил большую часть своих свободных часов. Боб посвящал почти все свое время рыбной ловле, соединяя приятное с полезным и доставляя обильную пищу домашним птицам и животным, не говоря уже о том, что к столу у них в любое время была свежая рыба.

Между тем первые посаженные овощи взошли превосходно. К концу следующего месяца все скаты возвышенности кратера зазеленели там и сям, и даже на совершенно девственной, неподготовленной почве некоторых частей утеса стала, к необычайной радости и удивлению Марка, пробиваться местами зеленая травка. Количество рыбы, ежедневно приносимой Бобом, было так велико, что ему пришлось на ум изготовлять и из нее удобрение. С этой целью, пользуясь несколькими часами прохлады поутру и перед наступлением ночи, он принялся готовить место для свалки негодной излишней рыбы. Тут же возвышались целые горы водорослей, смешанных с илом и гуано. Но по мере того, как весна подходила к концу, все работы должны были все более и более замедляться вследствие страшной жары, которая становилась положительно невыносимой несмотря на постоянные ветра. Марк воспользовался этим временем для того, чтобы заняться судном. Пользуясь благоприятной погодой, они занялись просушкой парусов и уборкой их; палубы мылись теперь ежедневно утром и вечером не только для порядка и опрятности, но и для того, чтобы дерево не трескалось и не рассыхалось под влиянием непомерного зноя. В то же время они занялись и тщательным осмотром трюма. Там оказалось очень много всякого рода полезных предметов: между прочим там нашлось и два бочонка уксуса для изготовления маринадов на случай цинги.

Однажды, когда Боб опять рылся в трюме, а Марк сидел тут же и наблюдал за ним, Бобу случайно попался под руку какой-то предмет; с большими усилиями его удалось вытащить из-под огромной кучи всякого рода леса и досок, сваленных на полу в самом темном углу трюма.

Когда Боб вытащил наконец эту, по его словам, «никуда не годную, корявую дубину», Марк с первого же взгляда признал в ней одну из составных частей довольно крупного мореходного судна.

– Вот, поистине, чудо, Боб! – воскликнул он. – Ведь эта ваша негодная дубина не что иное, как одна из частей того пинаса, о котором вы мне говорили.

– А ведь и в самом деле так! И как это я, старый болван, сразу об этом не догадался? Ну а если мы с вами наткнулись на эту оглоблю, так уж, верно, и все остальные части пинасы сложены тут же.

И действительно, все составные части этого судна были отысканы одна за другой и снесены на палубу. Хотя ни Боб, ни Марк не могли назваться искусными строителями, тем не менее оба они прекрасно знали место каждой отдельной части и не были совершенными невеждами в судостроении.

Трудно себе представить, какой громадный переворот произвела эта неожиданная находка в душе молодого моряка. Хотя он до сих пор ни на минуту не терял окончательно надежды на свидание со своей возлюбленной Бриджит, но тем не менее надежда эта угасала в нем с каждым днем.

Теперь же, когда существование пинаса не было уже чем-то сомнительным, когда он видел его своими глазами, он едва смог совладать с охватившим все его существо чувством радости; вся кровь прилила разом к его сердцу, так что он вынужден был прислониться к ящику, чтобы не упасть под влиянием охватившего его волнения.

В продолжение нескольких дней Марк находился в каком-то лихорадочном волнении, будучи положительно не в состоянии заняться каким-либо делом. Теперь он мог говорить только о своей Бриджит и думать исключительно о свидании с нею.

Боб отнесся к этому более спокойно. Он мысленно решил поробинзонствовать в продолжение нескольких лет и до того свыкся с этой мыслью, что она нисколько не огорчала его.

Марк так обрадовался возможности построить судно, что не захотел даже откладывать этой работы до более прохладного времени года, а желал приступить к ней немедленно же. Боб без возражений высказал полную готовность помогать ему в этом деле.

Однако жара становилась до того сильной, что не было никакой возможности работать, не устроив себе какой-нибудь защиты от солнца. К тому же остов пинаса необходимо было собрать где-нибудь на берегу, чтобы иметь впоследствии возможность спустить это судно на воду. По зрелом обсуждении этого вопроса решено было избрать для верфи место на западной окраине Рифа, где сам утес представлял наиболее благоприятные условия для спуска будущего судна. Хотя наши отшельники еще не видели здешней зимы, но, судя по тому, как в какой-нибудь час времени море подымалось на несколько футов, а во время бурь вода вторгалась и заливала даже часть долины кратера, легко могло случиться, что пинас мог быть унесен в море прежде даже, чем его успеют закончить. На эту работу потребовалось бы не менее шести или семи недель.

При закладке пинаса Марк назвал его «Нэшамони» в честь маленькой бухточки, лежавшей почти напротив Ранкокуса – другого небольшого залива, образуемого тем же Делава-ром и давшего свое имя доброму старому судну. Объясняется это тем обстоятельством, что владелец «Ранкокуса», Авраам Уайт, был уроженцем берегов Делавара и сильно любил свою родину. Два часа ранним утром и другие два часа перед наступлением ночи вот все то время, которым могли располагать наши кораблестроители для своих работ по сооружению чего-то вроде навеса или сарая. Чтобы построить этот сарай, понадобилось прежде всего вырыть восемь ям глубиной не менее двух футов каждая. Это была бы гигантская работа, которая потребовала бы не менее года, если бы Марк не вздумал воспользоваться для этого пушечным порохом, с помощью которого он взорвал в восьми местах затвердевшую лаву, после чего оставалось лишь удалить находившиеся там обломки камня и утвердить столбы. Тем не менее постройка верфи отняла у наших колонистов целый месяц. Боб был в восторге от своей верфи; Марк, со своей стороны, был не менее его доволен своим сооружением и на другой же день приступил к установке килевой части.

День этот ознаменовался еще одним немаловажным событием: Боб, отправившийся на вершину за каким-то инструментом, случайно взглянув на грядки, заметил, что дыни на них уже совершенно поспели, и, сорвав из них штуки три-четыре, снес их Марку, который теперь мог уже вполне убедиться, что Господь благословил его труды. Побывав, в свою очередь, на вершине, он увидел, что не одни дыни дозрели и стали годными для употребления: лук, огурцы, помидоры и некоторые другие овощи тоже уже были совсем готовы и пригодны для кухни. Теперь наши приятели ежедневно имели к столу свежую зелень, что совершенно успокоило Марка, сильно боявшегося до сих пор опасности заболеть цингой.

Что касается нижнего сада, затейливо распланированного в долине кратера, то посевы там еще не достигли такого развития, что было вполне понятно, так как он был засеян гораздо позднее. Но вернемся к верфи.

Осмотрев все составные части пинаса, Марк убедился, что всякий винт и всякая доска были тщательно помечены и пронумерованы; оставалось только собрать их в должном порядке,

за что наши кораблестроители и принялись с большим рвением: за одну неделю весь корпус был закончен, причем ни разу не пришлось даже прибегнуть к помощи рубанка.

Измерив судно, Марк узнал, что килевая часть его имеет двадцать четыре фута длины при вместимости приблизительно в одиннадцать тонн.

Собрать корпус «Нэшамони» было нетрудно, но с конопачением судна предстояло несравненно больше хлопот. Целых две недели провозился Боб с этим делом. В течение этих же двух недель, перебирая кое-что в трюме «Ранкокуса», Боб случайно наткнулся на сваленную в кучу старую медь; на одном из листов стояла надпись: «Медь для обшивки пинаса». Это была сушая находка для наших кораблестроителей, ввиду того, что в этих низких широтах подводные части судов немилосердно разрушаются громадными массами червей. Труднее всего оказалась настилка палубы, тем более что на корме были устроены две маленькие каютки для экипажа.

Теперь оставалось только спустить пинас на воду. И Марк и Боб, конечно, не раз присутствовали при спуске судов и видели, как это делается; тем не менее это было совсем не просто. Марк предусмотрительно поместил судно как можно ближе к воде, что значительно облегчило их трудную задачу. Наконец Марк объявил, что все предварительные меры предосторожности приняты и все необходимые для спуска судна приготовления сделаны, так что завтра можно будет приступить к спуску. Боб был другого мнения: почему бы им было не воспользоваться тем временем, пока пинас стоит еще на месте и доступ к нему со всех сторон одинаково удобен, для того чтобы перенести на него все необходимые припасы? Согласно его плану, на пинас были перенесены несколько бочонков пресной воды, бочонок с солониной, бочонок с соленой свиной и приличный запас сухарей. Кроме того, на «Нэшамони» были снесены и найденные в числе запасных материалов для пинаса небольшие якоря. Оставалось только заняться парусами, чтобы потом в любую минуту иметь возможность их поставить. Когда все приготовления были окончены, было уже слишком поздно, чтобы в тот же день приступить к спуску судна, а потому эта процедура была отложена на следующее утро.

Остатком дня Марк воспользовался для того, чтобы посетить свои грядки на вершине кратера и в нижнем саду и выбрать несколько дынь к ужину. Большинство плодов и овощей совершенно поспели; урожаи были во всем чрезвычайно обильные, и – странное существо этот человек, – блестящие результаты его трудов породили в душе Марка нечто похожее на сожаление при мысли о том, что он должен будет оставить все это навсегда, снова предав остров запустению. У него даже явилась на одну минуту мысль, как бы хорошо было вернуться сюда с Бриджит, чтобы прожить здесь остаток дней своих в мире, тишине и спокойствии.

Эту ночь и Марк и Боб провели на «Ранкокусе». Мысленно каждый из них говорил себе, что, быть может, это последняя ночь, которую им приходится провести здесь, и в силу той привязанности, какую питает каждый моряк к своему судну, они решили перед разлукой торжественно проститься со старым добрым товарищем их радостей и бед, их верным другом «Ранкокусом».

Здесь следует сказать, что наши отшельники давно уже подвесили свои койки под кровлей того сарая, который служил для них верфью, для того чтобы быть поближе к своей работе и, встав поутру, иметь возможность тотчас же приняться за дело. Ранним утром следующего дня Марк был разбужен шумом ветра в снастях; в первую минуту этот знакомый шум, от которого он успел уже отвыкнуть за последнее время, был ему даже приятен. Он поднялся наверх, и ему стало ясно, что над их головами разразилась настоящая буря; ничего подобного он никогда еще не видел в Тихом океане. День только что начинал брезжить, но Марк разбудил Боба.

И море и небо приняли такой грозный вид, что заставляли опасаться за суда. Им, конечно, было бы весьма прискорбно видеть, как разобьется о подводные камни их верный «Ранкокус», но все же опасность, грозившая пинасу, волновала их несравненно более. На берегу со вчерашнего вечера осталось много разных орудий и инструментов, и несмотря на то, что Марк

был, так сказать, на отлете и, собираясь в путь, все равно оставил бы все это здесь, он все же поспешил на берег и с помощью Боба убрал все это вовнутрь кратера. Козочке он открыл доступ к вершине, а свиней пустил вовнутрь кратера, где они с особым наслаждением принялись рыться в огромной куче водорослей, не обращая ни малейшего внимания на затейливо распланированный сад.

Буря тем временем все усиливалась. Вода прибывала с каждой минутой, и вся низменная часть острова вокруг кратера была уже затоплена. Марк поспешно добежал до своего павильона на вершине, прибрал, укрыл и припрятал на всякий случай все свои книги и письменные принадлежности и затем бросил тревожный взгляд в направлении того места, где стоял «Ран-кокус». Величавое судно плавно вздымалось и опускалось вместе с грузной волной, но, по-видимому, ему еще не грозило никакой опасности. Тогда он обошел вершину кратера, направляясь к тому месту, которое было на более близком расстоянии от верфи, с тем чтобы взглянуть на пинас. И каково же было его удивление, когда он увидел Боба, которого считал занятым уборкой внутри кратера, по колено в воде спешившего к доку и затем взобравшегося на пинас.

Озабоченный сохранностью «Нэшамони», Боб хлопотал то тут то там, оживленно жестикулируя и призывая Марка к себе. В эту минуту Марк заметил, что пинас тронулся со стапеля, и через мгновение подпоры, поддерживавшие его, были выбиты волнением, становившимся все сильнее и сильнее; вслед за тем пинас сдвинулся до половины всей своей длины. Марк кинулся вниз на помощь Бобу, но в тот момент, когда он добежал до воды, «Нэшамони», поднятый мощным гребнем волны, двинулся вперед и вышел в открытое море.

## Глава IX

*Человек богат малым, когда он честен и добр; природа имеет мало потребностей! Но его пороки рождают, увы! искусственные нужды.*  
**Юнг**

Понятно, Марк не кинулся в погоню за уносимым волнением пинасом. Исключая разве только тех островитян, которые проводят полжизни в воде, никто не был бы в состоянии настигнуть какое бы то ни было судно, гонимое бурей по ветру. Юный моряк в изнеможении припал к скале в безграничном ужасе и страхе за несчастного товарища, сознавая, что никаких средств к спасению у него быть не могло.

Боб не пытался даже отдать якорь, зная наверняка, что всякая попытка такого рода опасна в данную минуту. Всего разумнее, конечно, было плыть по ветру до тех пор, пока пинас не вынесет за пределы подводных камней, и затем уже стараться удержаться на месте. У Марка сердце замерло, и, едва дыша, он следил, как пинас мчался над подводными скалами подобно бешеному коню, который сам не видит и не знает, куда он мчится. Раз двадцать Марку казалось, что злополучное судно уже потоплено разъяренной стихией, но в тот момент, когда он считал его погибшим, оно снова, точно морская чайка, несло вперед, ныряя и скользя по волнам бурного и пенившегося моря.

В продолжение почти четверти часа Марк мог следить за «Нэшамони», хотя он несколько раз за это время терял его из виду, частью вследствие отдаленности, частью вследствие полнейшего отсутствия на нем парусов.

Но вот бешеный порыв ветра заставил Марка пригнуться к земле, и, когда он мог снова взглянуть на взбаламученное море, «Нэшамони» исчез из виду.

С той самой минуты, как почти на его глазах исчез капитан Кретшли, Марк еще ни разу не испытывал такой душевной муки, как в тот момент, когда с глаз его скрылся «Нэшамони». Он вдруг сразу почувствовал весь ужас своего одиночества и отчуждения от мира, понял, что между ним и Богом нет никакого посредника, и под тяжестью непосильного горя он пал ниц и облегчил свою душу в горячей молитве.

Когда он после того взглянул вокруг себя, то убедился, что буря не только не утихала, но скорее даже усилилась. Вода с каждой минутой прибывала; она проложила себе дорогу вовнутрь кратера и затопила низменные части долины на протяжении двух или трех акров. Но «Ранкокус», несмотря на то, что его сильно покачивало из стороны в сторону, все еще держался на своем якорю и, по-видимому, не получил никаких повреждений. Не будучи в состоянии что-либо сделать против бешеного своеволия разбушевавшейся стихии, Марк побрел в тот барак, который он вместе с Бобом построил себе в долине кратера, и кинулся в подвешенную там койку, где провел весь остаток этого дня и всю следующую за ним ночь. Если бы не бешеный рев бури, доносившийся извне, да не могучие порывы ветра, проносившиеся временами над его головой, трудно было бы поверить, что там за стеной разыгрывалась такая страшная буря. Так продолжалось до утра, когда вдруг полил проливной дождь. К счастью, предусмотрительный Марк устроил все крыши с сильнейшим скатом, так что потоки дождя только сбегали по тенту, не застаиваясь на крыше. Разбитый телом и душой, Марк заснул тяжелым, крепким сном и беспробудно проспал несколько часов кряду.

Когда он проснулся и пришел в себя, то несколько минут сидел неподвижно на своем ложе, стараясь припомнить случившееся. Затем он стал прислушиваться к шуму бури; но за стеной все, казалось, было тихо, и когда он вслед за тем встал и вышел из палатки, то увидел над своей головой ясное небо и солнышко. Утки и свиньи купались в лужах, образовавшихся во всех выемках и углублениях почвы.

Сад, казалось, улыбался, омытый дождем, и допущенные вовнутрь кратера четвероногие гости, как оказалось, ни до чего не дотронулись. Совершив свой утренний туалет, Марк выгнал свое маленькое стадо из кратера, опасаясь за целостность своих всходов. Выйдя за ограду кратера и убедившись, что вода уже убyla и что, следовательно, домочадцам его не грозит никакая беда, он загородил вход в кратер и затем уже взобрался на вершину, чтобы осмотреться.

Вместе с пассатными ветрами вновь воцарились тишина и спокойствие. «Ранкокус» неподвижно стоял на своем якоре, океан тихо дышал своей мощной грудью; весь берег Рифа был сплошь усеян громадным количеством рыбы, от которой Марк считал необходимым как можно скорее избавиться.

Куры и свиньи, как бы угадав мысли своего хозяина, с невероятным усердием принялись уничтожать это, как бы нарочно для них приготовленное угощение; но при всем их старании бедные животные никогда бы не справились с этой трудной задачей, и потому Марк, подкрепившись кое-какой пищей на «Ранкокусе», вернулся на берег и с помощью лопаты и тачки стал убирать эту рыбу, так как, если бы он оставил ее на берегу всего на несколько часов, она до того успела бы разложиться под влиянием палящих лучей тропического солнца, что заразила бы весь остров своими миазмами. Никогда еще в своей жизни Марк не работал с таким рвением и поспешностью.

Рыбу он свалил в заранее вырытую для этого глубокую траншею и засыпал густым слоем пепла. Он понимал, что эта усиленная работа необходима ему, частью для того, чтобы забыть и уйти от мучивших его мыслей и ощущений, частью для того, чтобы предохранить себя от чумы, которую могли породить все эти разлагающиеся трупы. Двое суток проработал Марк почти без отдыха, отрываясь от работы лишь на несколько мгновений тогда, когда подымавшиеся отовсюду зловонные испарения не давали ему дышать. К счастью, тысячи слетевшихся сюда птиц помогали ему и работали едва ли не успешнее его.

Истощив все свои силы, Марк переселился, наконец, на судно и прожил там около недели, выжидая, пока ветры очистят воздух и унесут с собою все это зловоние.

По истечении недели он вернулся на Риф и решил, что в крайнем случае ему можно будет остаться и здесь, но только по прошествии целого месяца воздух на острове окончательно очистился от всяких миазмов.

Необъяснимой странностью человеческой природы является то, что крупные несчастья и глубокое, серьезное горе как-то легче переносятся нами, чем пустячные неудачи. То же было и с Марком: несмотря на свою сердечную привязанность к Бобу и на те серьезные последствия, какими неминуемо должна была сказаться для него потеря этого верного товарища, он все же более интересовался последствиями наводнения на острове, нежели судьбой, постигшей «Нэшамони».

Отражение палящих лучей солнца на скалах и красновато-бурых массах пепла кратера чрезвычайно раздражающе действовало на зрение Марка, причиняя ему порой до такой степени болезненное ощущение, что ему не раз приходилось закрывать глаза; большим счастьем для него являлось то, что он мог отвести глаза и дать им отдохнуть на нежно-зеленой мураве, покрывавшей местами вершину. Частью из желания сберечь зрение, частью же из настоятельной потребности в лихорадочной деятельности Марк решил засеять травой всю долину кратера, за исключением того пространства, которое ему было необходимо под огород. Добродетельный друг Авраам Уайт снабдил свое судно двумя бочонками семян для газона. Обрадованный этим неожиданным богатством, Марк тотчас же принялся за дело. Тем временем зачастили сильные ливни, но и это не останавливало его в его трудах, а напротив, как бы подгоняло его. Увлажненная дождями почва становилась только еще более благоприятной для посева. На то, чтобы засеять громадную площадь долины кратера, ушел целый бочонок семян, и Марк, окончив эту работу, вернулся в свой барак, промокнув до нитки и обливаясь потом.

Уставший до изнеможения, он бросился в свой гамак и заснул. Проснувшись поутру, он почувствовал, что его голова тяжела, как будто вся она налита свинцом, и в горле пересохло; во всем теле он ощущал страшный жар. Тут только наш бедный отшельник понял весь ужас своего одиночества. Он прекрасно сознавал, что захворал не на шутку; надо было пользоваться теми немногими минутами, которые ему еще оставались до того момента, когда он окончательно лишится сил и сознания. Только на «Ранкокусе» мог он найти все необходимое для себя в данном положении; а потому ему во что бы то ни стало следовало добраться до судна. Раскрыв зонт и опираясь на палку, он с трудом побрел, двадцать раз останавливаясь и отдыхая по пути или же падая в изнеможении на раскаленный утес, но тотчас же, сделав над собою невероятное усилие, он поднимался и брел дальше, подгоняемый ужасом и отчаянием, задыхаясь и почти теряя сознание. Наконец он добрался до каюты.

Трудно описать то чувство наслаждения, которое овладело несчастным, когда он очутился вне палящих лучей солнца под кровом прохладной каюты. В изнеможении опустился он на один из диванов, чтобы немного передохнуть и собраться с мыслями, что именно ему следовало сделать, пока он еще был в силах кое-как двигаться и отдавать себе отчет в своих действиях. Ящик с медикаментами находился тут же в каюте, и он сам не раз уже пользовался его услугами и для себя, и для других. Приготовив себе с помощью воды, взятой из фильтра, лечебное питье, он выпил его с жадностью и наслаждением. Тут он почувствовал себя настолько больным и разбитым, что не смог сделать ни малейшего движения, и только час спустя нашел в себе силы перебраться с дивана на кровать, где он лишился сознания. Сколько времени пролежал он в этом бессознательном состоянии, этого он никогда не узнал: быть может, несколько дней, быть может, несколько недель. Порой у него были минуты прояснения мыслей, и тогда он с особенной ясностью сознавал весь ужас своего положения. К счастью, в каюте и питья и пищи было вволю; фильтр находился у него как раз под рукой, и в минуты возвращавшегося сознания он почти каждый раз прибегал к нему. Мешок с сухарями лежал тут же около кровати, но он едва-едва мог проглотить самый крошечный кусочек сухаря даже и тогда, когда он был размочен в воде. Под конец он уже был не в силах сделать даже малейшее движение и более двух суток пролежал, не шевелясь, в каком-то полусознательном состоянии, близком к летаргии.

Но вот жар спал, сознание вернулось, но болезнь приняла от этого, как тотчас же понял Марк, только еще худший, более опасный для него оборот. После лихорадочного жара и бреда наступило полнейшее истощение сил, слабость, усиливавшаяся с каждым днем. Марк сознавал, что если только это продолжится, то он безвозвратно погиб. Он вспомнил, что на судне имелось несколько бутылок превосходнейшего портера; одна из этих бутылок оказалась как раз на полке над его головой. Увидав ее, он решил отведать немного этого напитка.

Достать бутылку было нетрудно – но как ее откупорить? Будь у него под рукой даже пробочник, то и тогда откуда было взять необходимую для этого силу? Отбив горлышко бутылки, он налил себе стакан, который и выпил залпом. Напиток этот показался ему божественной влагой; он повторил прием, и действие не заставило себя долго ждать: едва успел он снова укрыться одеялом и зарыться в подушки, как почувствовал легкое и приятное головокружение и затем задремал. С полчаса он пролежал в этом полудремотном состоянии; очнулся он уже в поту, а минуту спустя заснул на этот раз уже крепким, подкрепляющим сном.

Когда он после того проснулся, прошло уже много времени, быть может, целых двое суток, и Марк почувствовал себя совсем здоровым, потому что он не мог дать себе надлежащего отчета в том, насколько он еще слаб. В первый момент ему казалось, что теперь он уже может встать, одеться и снова приняться за свои обычные труды, но при виде своих исхудалых ног и при первом усилии приподняться с постели он понял, что ему предстоит еще, быть может, долгие месяцы выздоравливания, что прежние силы и здоровье еще не скоро вернутся

к нему. Но уже большим для него утешением было то обстоятельство, что голова его была теперь совершенно свежа и мышление в полном порядке.

Марк считал за доброе предзнаменование ощущаемое им чувство голода. Он не мог дать себе точного отчета в том, сколько именно времени он прохворал; тем не менее было несомненно, что он уже много-много времени не принимал никакой пищи, кроме двух-трех глотков воды с небольшим количеством размоченного сухаря.

В продолжение нескольких минут Марк не имел другой мысли, кроме чувства безмолвной глубокой благодарности Богу, сохранившему ему жизнь, но затем он стал раздумывать, насколько то позволяла ему его слабость, что теперь ему следовало делать.

С кровати ему виден был большой обеденный стол каюты и на нем погребок с винами и ликерами. Марк знал, что в числе других дорогих вин там находилось и несколько бутылок портвейна, предназначавшегося специально для больных. Он решил, что ему следует выпить несколько чайных ложек этого вина. Но ключ от погребка находился в бюро, которое почему-то было оставлено открытым; надо было встать, добраться сперва до бюро и потом до того стола, на котором стоял погребок. Он сделал усилие для того, чтобы приподняться, и на этот раз ему удалось сесть и спустить ноги. Врывавшийся в каюту легкий морской ветерок живоительно подействовал на него. Он дотянулся до фильтра и сделал несколько глотков воды; это значительно подкрепило его; тут же, на столике у кровати, лежал остаток сухаря, который он съел, размочив в своем недопитом стакане воды. Тогда он попытался было встать на ноги, но голова его до того закружилась, что он почти без сознания упал на подушки. Несколько минут спустя он очнулся и повторил свою попытку, но уже с большим успехом. Цепляясь за перегородки и стулья, шатаясь из стороны в сторону, добрался он до бюро, взял ключи и добрался до стола, но тут силы его окончательно истощились, и он упал без чувств в стоящее рядом кресло.

Под влиянием живительного притока свежего морского воздуха он мало-помалу пришел в себя; собравшись с силами, он отомкнул и открыл погребок и при помощи обеих рук с некоторым усилием достал бутылку, несмотря на то, что она была почти совершенно пустая. Налив несколько капель вина, он через силу поднес стакан ко рту, и один-единственный глоток этой целебной влаги произвел на бедного больного положительно магическое действие. Вскоре после того у него хватило силы дойти до фильтра, наполнить свой стакан водой и влить в него остаток целебного вина.

Затем со стаканом в руках он добрался до ближайшей кровати, на что ему потребовалось немало времени, все так же цепляясь за стулья и присаживаясь по нескольку раз для того, чтобы вновь, собравшись с силами, продолжать путь. Наконец он добрался до кровати, которая была приготовлена для Боба, но которой бедняга ни разу не пользовался, стесняясь лечь в постель, да еще в офицерской каюте. Наконец-то Марк очутился на белоснежном свежем белье, что было истинным наслаждением после столь продолжительного лежания все на тех же простынях и на тех же подушках, столько раз смоченных за это время испариной.

Отдохнув некоторое время, Марк съел крошечный кусочек сухаря, размоченного в воде с вином, и, хотя эта пища и не утолила его голод, он все же воздержался от еще одной порции. Подкрепившись немного, он дотащился до того ящика, в котором покойный капитан Кретшли хранил свое белье, достал оттуда чистую рубашку и колеблющейся походкой вышел из каюты.

На палубе постоянно стоял большой бак для дождевой воды, служащей водопоем козочке, ежедневно по нескольку раз навещающей судно. Отсюда же бралась вода и для стирки белья, и для умывания. Бак этот оказался почти полным, и, сбросив с себя рубашку, Марк вошел в воду.

Он пробыл в воде всего несколько минут, несмотря на то, что испытывал громадное удовольствие, сидя в своей импровизированной ванне, но он опасался, чтобы слишком продолжительное пребывание в воде не повлекло за собою дурных последствий. Выйдя из воды, он облекся в чистую рубашку и снова нетвердыми шагами направился в каюту. Очутившись



в кровати, укрытый свежими простынями, он съел еще маленький кусочек сухаря и сделал несколько глотков воды с вином, после чего опустил голову на подушки и вскоре заснул крепким, здоровым сном.

Солнце едва только садилось, когда Марк вернулся в каюту; было уже не рано, так как он проспал более двенадцати часов под благотворным влиянием ванны и строгой диеты. Первым звуком, донесшимся до него, было блеяние козочки, просунувшей свою маленькую головку в двери каюты. Доброе животное усвоило привычку ежедневно навещать каюту, как бы с тем, чтобы осведомляться о здоровье своего хозяина, даже и в то время, когда он лежал в жару и в бреду. Марк протянул к ней руку и заговорил с ней как с добрым другом, который мог понять его слова, и как бы в ответ на его слова коза подошла ближе и стала лизать его руки. Эта ласка животного возбудила в одиноком больном молодом человеке чувство умиления. В этот день он чувствовал себя бодрым и почти счастливым. Он вторично принял ванну, допил стакан вина с водой и доел свой вчерашний сухарь.

Один сухарь и два-три стакана воды с вином составляли все его питание в течение целых суток. Но назавтра он уже нашел в себе силы пойти на кухню и приготовить себе чай; в последующие дни он разнообразил свой завтрак жиденьким какао или же арроруттом.

Прошло дней пять. Марк уже мог подняться на ют и осмотреть оттуда свои владения.

Вершина повсюду начинала покрываться травой; четвероногие домочадцы его, по-видимому, здравствовали и казались вполне довольны своей участью. Но так как Марк еще и думать не мог о посещении Рифа, то ему, конечно, пришлось удовольствоваться только одним беглым обзором своих поместий. Домашняя птица тоже, как видно, чувствовала себя прекрасно, и он заметил, что около одной из кур теснилась целая гурьба хорошеньких цыплят.

Прошла еще неделя, прежде чем Марк решился испытать свои силы и предпринять путешествие на остров. Здесь, как он и предполагал, свиньи взрыли добрую половину сада; коза была поймана на месте преступления в тот момент, когда она объедала бобы; куры не церемонились ни с кукурузой, ни с горохом; словом, оказалось, что домашние животные и птицы имели роскошный стол в отсутствие своего хозяина.

Палатку свою, или барак, Марк нашел на своем месте, целой и невредимой, как он ее оставил; с наслаждением кинулся он в свой гамак, чтобы отдохнуть часок-другой после утомительного перехода, который он только что совершил. Отдохнув, он продолжил осмотр и к немалому своему удивлению увидел, что за свиньей следом бежало десять маленьких поросят. После болезни Марка часто мучил голод, и он не находил на судне ничего себе по вкусу; а солонина, рыба и копченая свинина не нравились ему. В бараке под рукой находилось его охотничье ружье; при виде поросят ему пришла мысль полакомиться свежим нежным мясом; он выбрал удобный момент и ловко застрелил одного из этих маленьких животных. Дотащив свою жертву с большим трудом до кухни, он приготовил из поросенка несколько вкусных блюд, которые немало способствовали восстановлению его сил. В течение следующего месяца та же участь постигла еще трех поросят и многих маленьких цыплят, несмотря даже на то, что они были еще очень молоды. Марку казалось, будто он тогда мог проглотить и сам кратер, хотя он все еще не мог добраться до его вершины.

## Глава X

*Пока дитя природы умело уважать свои алтари и хранило себя от осквернения преступными жертвоприношениями, в мире, его окружавшем, оно было лучезарным властелином; вся земля была его венцом, и его трон был на небесах.*

**Вильсон**

Целых два месяца прошли, прежде чем силы и здоровье Марка восстановились настолько, чтобы он мог приступить к необходимейшим работам. Его первой заботой было устроить во входном отверстии, ведущем в долину кратера, такого рода ворота, которые могли бы помешать козе и свиньям проникать вовнутрь кратера. Пока беда была еще невелика; свиньи, взрыв землю, только еще лучше взборонили почву, смешав ее со всяким удобрением, и только избавили его от этого труда; таким путем бесцеремонные животные приготовили гряды для вторичного посева ничуть не хуже, чем если бы за это дело взялся и сам Марк. Чтобы не дать им пустовать до будущей весны, Марк решил засеять их вторично в надежде на два сбора в течение одного года.

Когда Марк вполне оправился и силы вновь вернулись к нему, он уже окончательно утратил всякую надежду на возвращение Боба. Весьма возможно было полагать, что бедный малый повстречался в море с каким-либо судном или же добрался до одного из островов.

Пинас был хорошо снаряжен и прекрасно мог держаться в море в тихую погоду; и, продолжая держать на запад, Боб мог легко достигнуть берегов Южной Америки. Но каких последствий мог от этого ожидать для себя Марк? Кто поверит простому матросу настолько, чтобы решиться выслать судно для спасения Марка Вульстона? Конечно, правительство не задумалось бы поступить так в настоящее время, но в конце прошлого столетия оно еще не в состоянии было делать такие вещи. Марк сознавал все это, но не любил останавливаться на таких безотрадных размышлениях.

Настала уже осень, в этих широтах представляющая собою не что иное, как продолжение того же лета... Овощи на огороде поспели и уродились в таком изобилии, что больше половины пришлось отдать в распоряжение домашних животных и дворовой птицы. Марк понял, что настало время вновь заняться огородом. Он сделал новые гряды и выбрал для посева семена лишь тех растений, которые были способны перезимовать в земле. Затем он сделал самый тщательный осмотр всего поместья, внимательно изучая состояние как каждого растения, так и самой почвы, принимая все это во внимание на будущее время. Апельсины, фиги и лимоны, насаженные в ряд под защитой стен кратера, росли на славу; результаты этих насаждений превзошли даже все его ожидания. Вода, сбегавшая с вершины, постоянно поддерживала влажность, и кустики поднялись уже более чем на фут от земли. Обрадованный их хорошим видом, Марк окопал и обложил каждый отдельный кустик гуано, а некоторые из них пересадил, стараясь выбирать наиболее подходящее для каждой породы место.

Большинство овощей уродилось прекрасно; Марк заметил, которые из них удались лучше других, с тем чтобы заняться преимущественно их разведением. Дыни, томаты, лук, бобы и обыкновенный картофель принадлежали к числу наиболее удавшихся, тогда как ирландский картофель едва-едва дал маленькие клубни.

Благодаря гуано, водорослям и всякого рода удобрениям увлажненная проливными дождями почва стала превосходной. Хорошо было бы вспахать землю перед наступлением зимы, тем более что в распоряжении Марка были прекраснейшие работники, в способностях которых он успел уже убедиться; поэтому он возложил на них эту работу, и менее чем за трое суток они исполнили свою задачу как нельзя лучше. Однако эти четвероногие пахари ужасно

размножались, и Марк был вынужден положить конец этому приросту четвероногого населения. Самый жирный кабан был заколот и посолен на зиму, пять других были также убиты и зарыты в землю для удобрения почвы. Благодаря такой радикальной мере стадо Марка убавилось в своей численности до надлежащих размеров. Между тем наш невольный отшельник предпринял поездку на утес ила, чтобы вновь запастись им. Тут он особенно остро почувствовал, чего он лишился, оставшись без своего товарища и помощника Боба. Тем не менее он справился со своей задачей, но прежде чем вернуться на Риф, Марк вздумал взглянуть на посаженную им здесь когда-то спаржу. И что же? Весь его посев прекрасно взошел: из ила торчало множество стройных стеблей совершенно поспевшей спаржи. Это была самая излюбленная зелень Марка, и теперь он мог быть уверен, что в течение круглого года будет иметь это лакомое блюдо. Это было еще одно предохранительное средство от цинги, не уступавшее по своим качествам дыням и другим овощам, не говоря уже о том, что он имел вволю и яиц, и цыплят, а свежей рыбы даже гораздо более, чем ему было нужно. И если в первые моменты своего одиночества на этом пустынном Рифе наш приятель возымел опасения умереть здесь голодной смертью, то теперь он был более чем обнадежен на этот счет; его кратер, как большинство потухших вулканов, обещал со временем стать необычайно благодарной и плодородной почвой, от которой можно было ожидать в будущем самых лучших урожаев.

Марк почти ежедневно отправлялся на какой-нибудь из соседних островков, населенных тысячами морских птиц, и ради развлечения присматривался к их нравам и привычкам, не забывая в то же время соединять приятное с полезным и возвращаясь каждый раз на Риф с маленьким запасом водорослей и разных морских трав, которые он складывал в одну кучу с намерением оставить ее, не трогая, до весны. Хотя мы и говорим здесь о зиме и о весне, но только потому, что еще не придумано других терминов для разделения времен года, но, собственно говоря, зимы в том смысле, в каком мы ее понимаем, там вовсе не было. В это время года травы зеленели только ярче и росли еще лучше, чем летом, потому что жара становилась не столь сильной и солнце менее жгучим. Местами появились даже сплошные лужайки; в этих благословенных широтах природа так щедра, что для появления растительности требуется вдвое меньше времени, чем в умеренных поясах.

В долине кратера раскинулись изумрудные ковры, живо напоминавшие самые веселые улыбающиеся пейзажи швейцарских долин.

Приблизительно в середине зимы, по расчетам Марка, наш невольный отшельник приступил к новой работе, которая, служа ему вместе и развлечением, могла иметь для него громадные последствия. Давным-давно лелеял он надежду построить судно достаточно больших размеров, чтобы исследовать на нем всю эту подводную вулканическую гряду во всем ее объеме и во всех направлениях, если уж ему не суждено выйти с этим судном в открытое море. Сооружение этого предполагаемого судна давало одновременно работу и мысли, и мышцам, а это именно и требовалось Марку.

Наш молодой кораблестроитель достаточно набрался опыта при постройке пинаса, чтобы надеяться, что он сумеет справиться со своей задачей. На «Ранкокусе» было так много всякого леса и досок, что всего этого могло бы хватить на постройку хоть целого десятка шлюпок. Трюм почти каждого большого судна – Ноев ковчег, где свалена такая масса самых разнообразных и разнородных предметов, что всякому, кто не присутствовал при снаряжении судна, бывает очень трудно разобраться в этом хаосе. В таком же затруднительном положении находился теперь и Марк; занятый в то время своим романом с Бриджит, он совершенно пренебрег этой частью своей службы. Теперь он почти каждый раз наталкивался здесь на какую-нибудь новую неожиданность; так, вместо досок, которые он искал, он находил то часть форштевня, то часть киля. Обрадованный этими находками, наш Марк перетаскивал все это на свою верфь и тотчас же принимался за работу. Целых два месяца трудился он над постройкой своего нового судна. Дело было нелегкое, в особенности потому, что он теперь был один. Так, ему стоило невероятных

трудов натянуть тент для крыши эллинга. Много времени отняло у него также составление чертежей для судна; конечно, он отлично мог определить степень устойчивости судна, но что именно следовало делать, чтобы придать ему эту устойчивость, он не знал. Единственным его руководителем в нелегком вообще и особенно для него деле кораблестроения являлся лишь привычный, верный глаз. Как бы то ни было, но спустя некоторое время Марк стал счастливым обладателем полного остова судна. Теперь не подлежало уже сомнению, что труднейшая часть задачи им выполнена; но едва он успел справиться с этой работой, как наступило время распротиться с верфью и заняться исключительно садом и огородом.

Марк более всего боялся заболеть, а потому поставил себе за правило строго следить за своей пищей, придерживаясь основных правил гигиены. Свежая зелень почти наполовину составляла его обед и ужин и летом, и зимой. Чаще всего появлялась на столе у него спаржа, которая здесь достигала необычайной толщины, так что двенадцати головок спаржи было вполне достаточно для самого сытного ужина.

Куры неслись здесь всю зиму; запасы чая, сахара и кофе на «Ранкоусе» были так велики, что еще далеко не истощились; в свежей рыбе также не было недостатка, и Марк порой приготавливал себе превкусную похлебку то с рыбой, то со свежими бобами или горошком. Тут только убедился Марк на опыте, как мало нужно человеку: одной четверти акра огорода было более чем достаточно для того, чтобы доставлять всю потребную одному человеку зелень или овощи.

Теперь Марк положительно не мог налюбоваться роскошной зеленой муравой, которой покрывалась вся почти поверхность Рифа. И то была отнюдь не та чахлая, тощая трава, которая, едва лишь появившись, грозит опять пропасть без следа; нет, эта сильная, здоровая трава успела уже глубоко пустить свои корни в почву, так что могла служить даже пастбищем скоту.

Белая козочка давно уже беспрепятственно паслась на вершине, где находила себе полное раздолье, а вскоре к ней присоединились и свиньи. Марк сам показал им дорогу на вершину, куда он допустил этих животных, рассчитывая, что они помогут козочке немного вытравить слишком уж высокую траву. Само собой понятно, что, допустив к этим заповедным местам своих четвероногих приятелей, Марк вместе с тем должен уже был проститься с мыслью разводить там дыни и некоторые другие овощи; но, не желая окончательно забрасывать доставшиеся ему с таким трудом и превосходно удобренные гряды, он обнес их своеобразной изгородью, которую ему удалось устроить из кольев, вбитых в землю и переплетенных между собой обрывками старых снастей. Впоследствии он пересадил сюда несколько тутовых деревьев, несколько апельсинов, лимонов и других плодовых кустов и деревьев, которым было душно внизу, в ограде стены кратера.

Довольный своей изгородью, Марк решил обнести такой же веревочной решеткой свой огород и сад в долине кратера на случай, если ему придется прибегнуть к помощи своих четвероногих косарей, чтобы выкосить и там новый луг.

Тем временем наступила пора посевов. На этот раз Марк решил не засеивать всех грядок сразу, а соблюдать постепенность: приготовив лишь одну гряду, он засеивал ее и только потом, спустя несколько дней, принимался за другую. Опыт убедил его, что в этом благословенном климате земля не нуждается в отдыхе и одинаково щедро наделяет человека своими чудными дарами круглый год. Здесь следовало только, сообразуясь с тем, какие овощи или плоды лучше других родятся в известное время года, сажать и сеять их в этом порядке, после чего можно было рассчитывать иметь в течение всего года свежие овощи и плоды к столу.

Этот порядок работ на огороде имел еще то преимущество для Марка, что он предоставлял ему некоторую свободу, которой он пользовался для того, чтобы продолжать свои работы по сооружению судна.

Таким образом у нашего приятеля и огородничество, и кораблестроение шли рука об руку; окапывая свою последнюю гряду, он вместе с тем вбивал последний гвоздь и в свое судно.

Теперь он мог быть даже сравнительно счастлив, но что его порой немало огорчало, так это полное отсутствие хорошей ключевой воды. Он подавлял в себе, конечно, этот невольный ропот и тотчас же припоминал все те блага, какими так щедро наделило его Провидение, и тут же сравнивал свою участь с участью стольких других несчастных, потерпевших, как и он, кораблекрушение и подвергавшихся всякого рода лишениям, страданиям и мукам.

Весна прошла для Марка настолько хорошо, насколько то было возможно при постоянном горестном воспоминании об отсутствовавшей жене. Все посевы и посадки взошли и удались как нельзя лучше; луга не только радовали глаз своим прекрасным изумрудным убором, но весело запестрели цветами; случайно тут попались Марку на глаза и несколько кусточков земляники. Обрадованный этой находкой, Марк тотчас же пересадил их в одну из грядок огорода и принялся с особенным усердием разводить эту ягоду для своего стола.

Нужно заметить, между прочим, что здесь нигде не появлялось сорных трав; это одно уже значительно облегчало для Марка его труды на огороде и в саду, избавляя его от настоящей необходимости полоть. Понятно, он и не смел надеяться, что так будет продолжаться всегда; явление это объяснялось, конечно, только тем, что первоначальная почва кратера не имела никаких семян, кроме тех, которые принесли сюда наши моряки; употребляемые же Марком удобрения также не заключали в себе никаких сорных семян, кроме разве только семян (спор) морских водорослей, неспособных произрастать на суше.

## Глава XI

*Мы спим при звуках труб, и несмотря на пожирающий огонь,  
который выбрасывает из себя дрожащая земля, среди развалин мы  
справляем празднества и мы танцуем на вулкане.*

*Юнг*

Наступило лето, а судно Марка все еще не было спущено на воду; Марку хотелось закончить его до самых мелочей. С целью предохранения судна от червей наш Марк не поленился обшить его оставшейся от пинаса медью; затем он с особенным старанием и любовью окрасил его и снаружи, и внутри, причем не преминул надписать на нем красивым четким шрифтом то имя, которое намеревался дать своему судну; имя это было: «Бриджит Ярдлей». Ему казалось, что никакое другое имя не подошло бы к этому стройному, красивому судну. Когда все работы были окончены, и паруса и снасти прилажены на своих местах, Марк стал раздумывать, как бы спустить свое судно благополучно на воду.

Заранее предвидя, что, предоставленный лишь самому себе и своим силам, он никогда не будет в состоянии сдвинуть с места судно, Марк еще при постройке позаботился придать ему то же наклонное положение, какое имел и «Нэшамони». Соорудить полозья было не так трудно, и несколько дней спустя они уже были готовы, после чего следовало лишь освободить «Бриджит» от окружавших ее со всех сторон подставок и затем уже предоставить самой себе.

В этот решительный момент Марка охватило столь сильное волнение, что он не в состоянии был справиться с нахлынувшими на него разнородными чувствами. Колени его подкашивались, голова кружилась, так что он вынужден был присесть, чтобы не упасть. Каких только последствий не ожидал он от этого наступавшего события? Как знать, не суждено ли было этой «Бриджит» вернуть его той, имя которой она носила?! В этот момент ему казалось, что вся дальнейшая участь его зависит от спуска судна; сердце его замирало при одной мысли, что вдруг какое-нибудь непредвиденное препятствие может помешать этому великому событию. Ему пришлось переждать несколько минут, пока к нему вернулось необходимое в таких случаях хладнокровие и самообладание.

Наконец, успокоившись, Марк снова принялся за дело. Последние подпорки рухнули, но судно все еще оставалось на месте; тогда Марк ударил по нему мушкетом<sup>4</sup>. На этот раз судно послушно подалось вперед, не останавливаясь, скользнуло вплоть до воды и наконец вошло в нее, рассекая голубую струю подобно утке, которая шевелит крыльями, сходя на пруд. Марк был в восторге от своей «Бриджит». Это было прекрасное нарядное судно, красиво державшееся на воде. Нет нужды говорить, что он еще заранее прикрепил к ней канат, с помощью которого можно было причалить судно к берегу. Затем Марк осторожно подтянул судно в маленькую природную бухту, которая как раз имела надлежащие размеры.

«Бриджит» по размерам своим была в четыре раза меньше «Нэшамони», а по длине равнялась почти половине его длины. В общем, «Бриджит» была во всех отношениях прекрасное судно. Так как Марк мог рассчитывать только на паруса, то он настлал в носовой части небольшую палубу для того, чтобы судно не заливало волнами и чтобы иметь в своем распоряжении такое место, где бы он мог хранить свои съестные и всякие другие припасы. Несколько бочонков свежей дождевой воды заменяли балласт. Они были внесены на судно, равно как и мачты, паруса и некоторые другие предметы, еще до спуска его на воду.

Так как было еще не поздно, то Марк не мог отказать себе в удовольствии теперь же предпринять маленькую прогулку вокруг острова. На всякий случай он снес туда немного про-

---

<sup>4</sup> *Мушкетель* – род двухконечного молота или тяжелой деревянной колотушки.

вианта и, отвязав судно, вступил под паруса. Как только «Бриджит» стала набирать ход, охотно повинаясь рулю, душой Марка овладело такое радостное чувство, как будто он нашел нового друга и товарища. Его новое судно живо напоминало ему его любимое занятие в дни юности, когда на Делаваре у него тоже было свое небольшое судно. Сколько приятнейших прогулок он совершил на нем!

Пользуясь благоприятным ветром, Марк прошел между Рифом и «утесом ила», обогнул остров и вошел в ту бухту, где стоял на якоре «Ранкокус». Затем он обошел вокруг этого судна, как будто желая похвастать перед этим старым другом своим новеньким судном, и, держась круче к ветру, вышел в тот проход, которым он когда-то вместе с Бобом прошел на Риф.

Оказалось, что обойти те рифы, которые могли бы представлять собою некоторую опасность для «Бриджит», было весьма нетрудно, тем более что белевшая на поверхности моря пена прекрасно обозначала их. Впрочем, для «Бриджит» даже и над рифами было довольно глубины. А вот и то опаснейшее место, означенное двумя буйками, которое так счастливо прошел тогда «Ранкокус». «Бриджит», конечно, оказалась не менее счастливою; миновав это место, Марк стал держать в том направлении, где он надеялся найти столь памятный ему роковой утес, который был виновником злоключений с тех пор, как о него так неожиданно ударился «Ранкокус».

Якорный буюк все еще был на своем месте, точно бессменный часовой на вверенном ему посту; Марк ухватился за его канат и притянулся к якорю, убрав, конечно, предварительно все паруса.

Теперь «Бриджит» стояла на прежней якорной стоянке «Ранкокуса», или в двух шагах от рокового места, а быть может, и над ним; подобные места обыкновенно изобилуют всякой рыбой, и Марку вздумалось попытать здесь счастья; с ним было, кстати, рыболовное снаряжение; он закинул уду и тотчас же вытащил великолепную рыбу. И каждый раз опять повторялось то же. Заметим, что здесь рыба была гораздо лучше и крупнее, чем там, поблизости от Рифа. За какие-нибудь полчаса нетрудно было убедиться, что за один день здесь можно было наловить так много рыбы, что даже его судно будет не в состоянии свезти ее всю. На этот раз Марк довольствовался десяточком-другим этой прекрасной рыбы; отвязав свое судно, он поднял паруса и стал маневрировать, чтобы выбраться на ветер. Вскоре он очутился уже в десяти милях на ветре у острова. Мачты «Ранкокуса» служили ему маяком, так как вершина кратера скрылась за горизонтом. Даже и мачты трудно было различать вследствие отсутствия на них всех парусов, и если бы не компас, то едва ли Марк мог безошибочно определить отсюда направление, в котором находился Риф.

Что же касается подводных скал и камней, то, хотя ни один из них не возвышался над поверхностью моря, но тем не менее, судя по явным признакам, доказывавшим несомненно повсюду их присутствие, Марк мог сказать, что они занимают пространство приблизительно до двадцати миль в окружности. Он уже сделал более чем пятнадцать миль, а все еще не мог выбраться из их заколдованного круга. Тут Марк лег в дрейф и приступил к своему скромному обеду. День начал клониться к вечеру, и потому он счел за лучшее вернуться к кратеру.

«Бриджит» шла очень ходко, и полчаса спустя Марк вновь уже стал различать верхушки мачт «Ранкокуса», а спустя еще немного стала довольно ясно вырисовываться на горизонте вершина кратера.

Наш молодой моряк намеревался было сначала провести всю ночь в открытом море, но в том случае, если погода будет благоприятная. Ему хотелось узнать, как его новенькое судно будет держаться на море во время его сна, и вместе с тем он уже давно желал дойти до крайнего предела рифов.

Все огородные работы были теперь окончены, и Марк свободно мог располагать всем своим временем. К тому же в распоряжении его находилось и подходящее судно. И он задумал

выбраться когда-нибудь подальше за пределы рифов и там крейсировать несколько суток кряду в надежде повстречать какое-нибудь судно, которое могло бы принять его к себе на борт.

Он сознавал, конечно, что, быть может, прождет этого счастья напрасно целых триста дней, но что же из того, если на триста первый все его страстные желания и надежды осуществятся?

Но этот раз погода вовсе не благоприятствовала его намерениям и замыслам.

Когда кратер вновь показался на горизонте, то небо уже приняло угрожающий вид, а сама атмосфера – какой-то зловещий красноватый оттенок, не на шутку испугавший Марка. Ему хотелось скорее добраться до острова, чтобы успеть загнать своих свиней и кур вовнутрь кратера. Все предвещало бурю, сопровождаемую здесь почти всегда сильнейшими наводнениями, о которых Марк уже имел понятие.

В момент, когда «Бриджит» спокойно проходила между двумя буйками, паруса ее стали вдруг полоскаться, – то был, несомненно, зловещий признак перемены ветра. До Рифа оставалось около двух миль. Спустя немного подул противоположный ветер; морские чайки и другие птицы с тревожными, резкими криками целыми стаями сновали в воздухе взад и вперед или описывали над головой Марка круги, спускаясь постепенно все ниже и ниже к воде. Солнце садилось в густых облаках огненно-красного цвета, обнимавших весь горизонт. Теперь до Рифа уже оставалось немногим меньше мили, но, несмотря на то, в душе Марка родилось новое опасение: если буря вдруг разразится и ветер повернет к западу, что было весьма возможно, то его легко могло унести прямо в открытое море. Даже и в этом случае, если «Бриджит» устоит против напора волн, и тогда грозившая ему опасность была бы велика: его могло загнать так далеко, что само возвращение на Риф, пожалуй, сделалось бы невозможным. Тут только он почувствовал, каким великим счастьем являлось для него то, что судьба забросила его на этот остров, где теперь все способствовало лишь его благополучию. Он понял, как было бы ужасно лишиться вдруг всего того, что он имел на Рифе, и быть оторванным от него навеки.

Как бы охотно отдал он теперь большую половину всех своих плантаций и урожаев, доставшихся ему без труда, лишь бы очутиться на Рифе в полной безопасности от бури и других невзгод! Но вот, благодаря той ловкости и опытности, которыми он обладал в управлении судном, Марку удалось наконец счастливо достигнуть Рифа, не понеся при этом никаких потерь.

Часу в десятом вечера «Бриджит» вновь вошла в свою бухту; Марк позаботился о своем стаде и поспешил скорее укрыться в каюте старого «Ранкокуса». Первым движением его души было стать на колени, воздать благодарение Богу за то, что Он вернул его сюда.

Эти места стали ему столь близкими и дорогими; и с мыслью о них в его душе сливалось понятие о полной его личной безопасности. Утомленный трудами и впечатлениями этого богатого для него событиями дня, Марк поспешил раздеться, лег в постель и заснул крепким сном.

Наутро, пробудившись, он вдруг почувствовал, что задыхается, и вслед за тем, раскрыв глаза, был поражен каким-то странным светом, наполнявшим всю его каюту. Сначала он думал, что горит «Ранкокус»; вскочив с кровати, Марк прислушался, но треска горящего дерева нигде не было слышно; он стал смотреть – огня нигде не видно! Одевшись, он выбежал на палубу и тут вдруг ощутил такой толчок, что лишь с большим трудом мог удержаться на ногах; сотрясение прошло по всему судну. Море кругом бурлило и шумело, точно готовясь выйти из берегов. До слуха Марка доносился какой-то небывалый резкий свист, а в воздухе носились зловещие зигзаги пламени вроде громадных молний. Момент был до того ужасен, что все слилось в один хаос.

Марк Вульстон сразу понял, что тут происходит; это было не что иное, как землетрясение; не подлежало сомнению, что вулкан вдруг пробудился и заговорил; пресыщенная смрадом атмосфера мешала видеть и дышать. Марк инстинктивно посмотрел в сторону, где находился кратер, но там все было тихо и спокойно. Очевидно, извержение происходило не там, а где-то



в другом месте. Но при всем том была минута, когда Марку казалось, что он совсем задышался. Вдруг налетевший порыв ветра развеял и разнес все эти смрадные, зловонные испарения и почти сразу вновь очистил воздух.

Марк с нетерпением ждал рассвета; минуты казались ему вечностью. Вот показались первые признаки постепенно нарождавшегося утра. Марк поспешил на бушприт; глаза его были обращены на восток, и едва только солнце послало первые свои лучи на горизонт, как наш моряк был поражен происшедшей там переменой, ясно свидетельствовавшей о тех невероятных силах незримых недр земли, которые породили ее. Повсюду, где еще вчера красиво расстилалась морская гладь, торчали голые утесы; а та подводная гряда, что оцепляла водяной бассейн, служивший стоянкой «Ранкокуса», и возвышавшаяся над поверхностью моря едва на несколько лишь дюймов, теперь местами достигала десяти и пятнадцати футов вышины. Природа вновь сделала несколько потуг и усилий и, так сказать, в одно мгновение ока создала и народила новые утесы, скалы и острова.

Едва успел Марк убедиться в этом, как тотчас же поспешил на корму, чтобы посмотреть, какие перемены произошли на кратере. Оказалось, что весь он был как будто выпучен наверх, подобно большинству скал и островков, окружавших его на протяжении нескольких миль. Его поверхность не претерпела между тем никаких изменений. Только сходня, ведущая с кормы «Ранкокуса» на берег, вместо своего прежнего, сильно наклонного положения, получила горизонтальное.

Сгорая от нетерпения увидеть, что могло произойти за это время на его острове, Марк побежал туда. К этому времени уже рассвело совсем; он посмотрел вовнутрь кратера, затем поднялся на вершину; здесь ровно ничто не изменилось. Стадо его беспечно разбрелось в разные стороны и преспокойно паслось на лугу. Однако вся поверхность Рифа была осыпана пеплом, на котором каждый шаг его оставлял глубокий след, точно на мягком снегу. Долина кратера также была засыпана все тем же пеплом на целый дюйм, не исключая сада, пастбищ и огорода. Но это нисколько не беспокоило Марка; он знал, что первый дождь прибьет этот тонкий слой серовато-беловатого пепла к земле, смешает его с почвой и превратит его в источник еще большего плодородия. Взобравшись на самую вершину, Марк вдруг увидел, что вместо прежних пенящихся белых пятен все море вокруг усеяно скалами, рифами и песчаными мелями. Более всего преобладали песчаные мели; некоторые из них находились даже близ Рифа, как мы будем продолжать называть остров кратера, хотя теперь его уже, собственно говоря, нельзя было называть островом. Положение его среди моря теперь настолько изменилось, что Марк мог, не прибегая к лодке или шлюпке, не замочив даже ног, прогуливаться целыми часами, а – как знать! – быть может, и целыми днями по суше, перебираясь с одного островка на другой, с одной песчаной мели или гряды на другую; со всех сторон на протяжении многих миль поднимались из воды эти островки, отделенные друг от друга маленькими проливчиками.

Остров Кратера являлся как бы центром этого вновь возникшего архипелага. Хотя сквозь густое облако, которое, точно туманом, заволакивало горизонт, нельзя было рассмотреть ничего, тем не менее Марк был убежден, что среди этого густого тумана на небольшом расстоянии от Рифа подземные силы нашли себе новый выход, то есть, пробив земную кору, образовали новый кратер; существование последнего казалось Марку столь же несомненным, как если бы он видел его своими глазами. С первого взгляда Марку было довольно трудно определить характер всех тех маленьких озер и прудков, которые образовались вокруг и которые, по его мнению, неминуемо должны были испариться в силу того, что между ними и морем не было никакого связующего звена, тогда как некоторые проливы и бухты являлись уже несомненными морскими рукавами. К числу таковых принадлежало, очевидно, и водное пространство, опоясывавшее Риф. Кругом ли оно опоясывало его или нет, об этом Марк теперь еще не мог судить, так как с той точки, на которой он в настоящую минуту находился, ему невозможно

было видеть, примыкает ли Риф непосредственно к той бесконечной цепи скал и мелей, которая тянулась по направлению к западу, или нет. Острова Гуано и Ила, очевидно, примыкали к этой сплошной массе; это были уже не одиночные островки, а нераздельные части большой вулканической горы. Тем не менее рукав, который омывал и Риф, и эти два важных склада удобрений, остался, и это было весьма приятно Марку, потому что позволяло ему продолжать перевозить эти удобрения прежним способом – при помощи лодки или плота.

Затем Марк озаботился положением «Ранкокуса». Он еще, очевидно, держался на воде, находясь посреди бассейна, но, чтобы вполне удостовериться в настоящем положении дела, Марк вошел в свою лодку и с целью наблюдений объехал вокруг судна. Вода здесь была столь чиста и прозрачна, что легко видно было дно на глубине нескольких саженей, потому Марк мог видеть, что между дном бассейна и килем корабля оставалось не более двух или трех футов воды. Но в данную минуту еще продолжался прилив, и прибывь воды в такое время выражалась обыкновенно повышением уровня на целых двадцать дюймов, а потому было ясно, что при известных ветрах доброе старое судно сильно рискует сесть на мель. Что же касалось возможности вывести его из бассейна, то о ней и речи быть не могло, ввиду того что судно стояло над глубокой впадиной дна, где воды было на шесть-восемь футов больше, чем повсюду. Установив все эти факты, Марк отправился пешком, с ружьем за спиной, осматривать свои новые владения, так значительно увеличившие его территорию.

Прежде всего он направился к западной части острова, где, как ему казалось, тянувшиеся в этом направлении мели и рифы стали слитной, нераздельной частью его. Дойдя до одной из этих песчаных отмелей, он заметил, что по песку бежит небольшая струя воды, вытекавшая, по-видимому, из-под лавовых слоев кратера. Марк вздумал попробовать ее на вкус и, зачерпнув воду рукой, поднес ее к своим губам. Какова же была его радость и удивление, когда вода оказалась не только пресной, но и чрезвычайно вкусной. Так вот он, этот ключ живой, о котором он так часто вздыхал! И как неожиданно Небо даровало его ему! Скупец, нашедший слиток золота в земле, не испытал бы радости, подобной той, какую испытал молодой моряк при этом своем открытии. Марк тотчас вырыл небольшое углубление и обложил его камнем. Не прошло и десяти минут, как ямка наполнилась чистой и светлой водой самого приятного вкуса. Марк положительно не мог оторваться от этого божественного напитка, но пить его слишком много было опасно для здоровья, и, сделав над собою усилие, он решил продолжать свой путь.

Дойдя до самой узкой и выдающейся части Рифа, лежавшей ближе всего к соседним утесам, Марк убедился, что предположение его было ошибочно. Риф остался по-прежнему островом, хотя пролив, отделявший его от утесов, не имел и двадцати футов ширины, но, наверное, был вдвое глубже. Вернуться к верфи, захватить там подходящую доску, перекинуть ее через пролив и с помощью этого импровизированного моста перебраться в свои новые владения было делом нескольких минут. В углублениях утесов он нашел множество рыбы, выброшенной на берег морем. Кроме того, он сделал еще одно, несравненно более важное открытие: вблизи моста он нашел второй родник, гораздо более обильный. Этот родник давал начало ручью или, вернее, речке, орошавшей целую отмель на протяжении двадцати акров (около семи русских десятин). Встретив на своем пути значительной величины бассейн, этот ручей, или река, образовал небольшое озеро, а весь избыток вод нес затем уже прямо в море. Обрадованный Марк не захотел быть эгоистом; он еще раз вернулся на Риф за своим стадом; дойдя до моста, он перебросил с берега на берег другую доску, захваченную по дороге с той же верфи, и перевел по этим двум доскам все свое стадо. И птицы, и четвероногие так знали голос Марка, что даже утки слушались его; о козочке и говорить не стоит, – та бегала за ним, как собачонка, и была счастлива, когда ей разрешалось сопровождать его в прогулках. Оставив всех своих животных наслаждаться неожиданными благами, посланными Небом, Марк приступил к более серьезной части своей экскурсии, которая продолжалась целый день. Пока Марк отошел всего лишь на две мили от своего жилья, если считать по прямой линии, но если принять в соображение,

сколько ему пришлось обходить стороною встречавшиеся на его пути значительной величины озера морской воды, то он, без всякого сомнения, сделал уже добрых четыре мили. Эти озера часто имели более мили в окружности и отличались причудливыми контурами берегов, но вскоре все они должны были бесследно испариться под непосредственным влиянием палящих лучей солнца. Марк шел теперь вдоль узкого длинного канала, впадавшего в пролив, который омывал весь кратер. Достигнув предела, заранее намеченного им для этой первой прогулки, молодой человек поднялся на вершину одного утеса, который возвышался футов на сто над морем. Отсюда открывался обширный обзор, и Марк невольно обратил свой взор на океан, который был ему теперь прекрасно виден на расстоянии нескольких миль на северо-восток.

Далее к западу виднелось множество водных пространств различной величины: бухт, заливов и проливов, весьма излучистых и живописных по своим очертаниям. И это множество внезапно и повсеместно образовавшихся кратковременных речек, озер и ручейков сильно затрудняло наблюдение: на известном расстоянии весьма и весьма трудно было отличить проточные воды от вод стоячих, или, что то же самое, постоянные от временных. Но самое интересное и привлекательное зрелище ожидало Марка в южной части горизонта. Туманная завеса, скрывавшая до настоящего момента всю эту часть горизонта, стала теперь постепенно приподниматься; стройный столб дыма, как бы выходивший прямо из воды, продолжал медленно и плавно выходить кверху, где упирался в густое облако, подобно шатру нависшее над этим местом. Вначале Марк мог различить лишь темную бесформенную массу. Когда же туман понемногу начал рассеиваться, он ясно увидел перед собою гигантскую, сильно изрытую скалу, имевшую не менее тысячи футов вышины и занимавшую пространство около одной мили. Это новое доказательство могущества великих сил природы вдруг наполнило душу молодого моряка благоговением и вместе умилением перед Всесильным, Всемогущим Божеством, которое могло и создавать, и рушить в одно мгновение единым мановением своей руки.

Не следовало ли ему, в самом деле, от всей души благодарить Творца за то, что Он, по своей благости, направил эти просившиеся наружу грозные подземные силы в иную сторону и дал им выход вдали от Рифа? То расстояние, которое разделяло этот новый кратер от потухшего кратера на Рифе, Марк определил приблизительно в пятнадцать или двадцать миль – но, в сущности, оно равнялось полным пятидесяти милям. Невдалеке от той скалы густой тяжелый темный дым все продолжал спиралью подыматься к небу; но иногда Марку казалось, и он был в том почти уверен, что видит перед собой огромный кратер нового вулкана в той части океана.

Налюбовавшись вволю на происшедшие повсюду перемены, Марк наконец спустился со своего утеса и тронулся в обратный путь той же дорогой.

## Глава XII

*Я изгоняю из моего государства черную измену, интриги, кинжалы, мушкетеры, пушки; щедрая на дары природа дает их моему простодушному народу, не заботясь об их отделке.*

*«Буря»*

В продолжение десяти последующих дней Марк Вульстон занялся изучением и исследованием своих новых владений.

Переправившись через пролив, омывавший остров кратера и названный Марком Браслет, наш приятель добрался до той лавовой стены, которая заграждала бассейн, избранный для стоянки «Ранкокуса». Отсюда Марк отправился пешком вдоль тех самых утесов, между которыми он еще так недавно плавал на «Бриджит». Впрочем, тот узкий проход, через который Марку некогда удалось провести «Ранкокус», существовал еще и теперь, но буйки, обозначающие это роковое место, были теперь на суше, на двух торчавших над водою небольших утесах.

Два дня подряд Марк продолжал подвигаться вперед все в том же направлении. И здесь изменения рельефа носили тот же характер чередующихся между собою водяных пространств, песчаных мелей и зубчатых гребней скал.

На пятые сутки Марк снова предпринял маленькое путешествие на своей «Бриджит». Выйдя из Браслета через узенький проход, он вошел в небольшой пролив, направлявшийся прямо на северо-восток. Пролит этот, шириною около полумили, имел на всем своем протяжении достаточно глубины, чтобы поднять даже большое судно. И не было ничего невозможного в том, что какое-нибудь из проходивших мимо судов могло зайти этим путем на Риф. Нет нужды говорить, что на подобное счастье было, конечно, мало надежды; но бедный Марк охотно ухватился за эту мысль и находил в ней для себя большое утешение и самый пролив этот назвал каналом Доброй Надежды. В трех милях от кратера канал раздваивался: один из рукавов его шел к северу, а другой уходил куда-то вдаль, теряясь в юго-восточном направлении. Чтобы воспользоваться благоприятным ветром, Марк избрал последний путь.

Проплыв по каналу некоторое время, он вошел в другой канал, ведущий на северо-восток. Этот канал имел значительную глубину и при входе достигал более полумили ширины; затем он немного сужался и потом вливался в овальной формы бассейн, диаметр которого равнялся целой миле. Этот бассейн был огражден с восточной стороны как бы поясом, состоящим из гряды непрерывных скал, местами достигавших высоты в двадцать футов и более. Дно его было совершенно чистое, песчаное, а лот почти повсюду показывал глубину в двадцать брасов<sup>5</sup>.

Это был прекраснейший природный порт, и, право, руки человека едва ли бы могли создать что-либо лучшее и более удобное, чем этот самобытный закрытый рейд.

Марк плывал уже более часа в Овальной Гавани, как он мысленно назвал этот порт, когда заметил, наконец, что зеркальная гладь этих покойных вод кое-где слегка рябится чуть приметной зыбью, идущей от северо-восточной стороны бассейна. Марк тотчас же направил свое судно в ту сторону, откуда шла зыбь, и убедился, что там, в одном месте, скалы расступились, как бы нарочно для того, чтобы оставить здесь удобный выход. Ветер был попутный, и Марк, войдя в проход, вдруг очутился, сам того не ожидая, в открытом море. Он это понял, почувствовав тотчас же, что «Бриджит» качается на мерных сильных волнах океана. Проплыв еще немного, Марк очутился в полумиле на ветре у бесконечной каменной гряды. Поставив «Бриджит» в дрейф, Марк бросил лот, но и на сорока брасах он не достал дна. Везде под ветром

---

<sup>5</sup> Брас – шестифутовая сажень.

виднелись рифы, скалы, мели, тогда как с наветренной стороны и впереди повсюду был открытый океан.

Определить в точности протяжение канала, ведущего от кратера в Овальную Гавань, было довольно трудно. Но, судя по времени, которое пришлось затратить на этот путь, Марк полагал его длину миль в двадцать пять.

«Бриджит» уже более часа находилась в открытом океане; между тем ветер начал свежеть, и Марк стал подумывать о возвращении на Риф. К сожалению, он не позаботился запомнить на берегу какие-нибудь приметные точки, по которым можно было найти тот путь, которым он шел сюда. Ему это казалось совершенно лишним. Но вышло иначе – тот выход из бассейна, которым «Бриджит» прошла в океан, снаружи был замаскирован скалами. Ему не оставалось теперь ничего другого, как только попытаться найти то место, где эта бесконечная цепь рифов прерывалась и открывала доступ к архипелагу. Подойдя к берегу насколько можно ближе, он все-таки нигде не мог найти желанного прохода; более часа он искал его в различных направлениях, но поиски его остались безуспешны. Провести ночь в открытом море да еще на ветре столь неприветливых берегов не представляло ничего приятного для Марка, и он решил идти на север, покуда не наткнется там на какой-нибудь другой проход.

В течение целых четырех часов «Бриджит», не останавливаясь, шла на север, вдоль бесконечной каменной гряды; угрюмое однообразие этих скал нарушалось лишь бурной белой пеной ударявшихся о них морских волн. Но и на всем этом громадном протяжении Марк не нашел не только прохода, но даже и такого места, где скалы расступались бы настолько, чтобы среди них могла укрыться хоть самая простая лодка. За это время, по расчету Марка, «Бриджит» прошла не менее тридцати миль; сообразуясь с этим, он мог определить до некоторой степени величину своих владений. Часов около пяти вечера Марк наконец достиг небольшого мыса, или косы, вслед за которым берег вдруг круто заворачивал на запад. Марку стало ясно, что он достиг северной границы этой подводной группы вулканических гор. Мыс этот наш моряк назвал Кап-Норд-Эстом, или Северо-Восточным мысом, и, обогнув его, пошел на запад, держась как можно ближе к берегам.

Было уже слишком поздно, чтобы еще думать о возможности сегодня же вернуться на Риф; к тому же отважиться идти впотьмах этими вовсе неизвестными еще ему проливами, каналами и рукавами было бы непростительным безумием; поэтому Марк счел за лучшее, выбрав небольшую бухту, стать в ней на якорь и переночевать, чтобы поутру как можно раньше отправиться в обратный путь.

В тот момент, когда солнце скрывалось за горизонтом и сильный томительный зной летнего дня сменился отрадной прохладой ночи, берег гостеприимно расступился перед нашим моряком, образуя нечто вроде узенького пролива, все же достаточно широкого для небольшого судна. Придерживаясь ветра, «Бриджит» вошла в пролив, который постепенно расширялся и в конце концов образовал глубокий и довольно обширный залив. Берег его со стороны ветра представлял собою песчаную отмель довольно значительной длины. Следуя вдоль этого берега, Марк увидел прекрасный ручеек и здесь решил причалить. Осторожно завернув, чтобы подвести свое судно ближе к берегу, Марк зацепился багром и соскочил на берег. Прибрежье это, столь недавно вышедшее из недр морских, казалось уже пережившим многие века: пески здесь были чисты и блестящи, с красивым бледно-золотистым оттенком; кроме того, весь берег был усеян роскошнейшими раковинами самых красивых форм и переливов и замечательной величины. Запах, который они издавали, свидетельствовал о том, что еще недавно они служили жилищем своим законным, природным владельцам. Любуясь их затейливой красотой, причудливым разнообразием форм и цвета, Марк мысленно дал слово вторично побывать в этом заливе, прозванном им заливом Раковин, и увезти отсюда некоторые экземпляры этих раковин, чтобы украсить ими свою каюту.

Пожинав кое-чем из своих припасов у самого ручья, Марк разложил захваченный им на всякий случай тюфяк и, помолившись Богу, вскоре заснул здоровым, крепким сном. Поутру, выкупавшись в заливе, он поспешил отправиться в обратный путь. Переплыв залив Раковин, «Бриджит» продолжала идти в юго-западном направлении по довольно широкому проливу; последний в конце концов привел ее к тому месту, которое Марк тотчас же признал за раздвоение канала Доброй Надежды, прозванное им еще тогда же Вилами.

Теперь стоило только следовать тем же путем, каким он шел вчера, чтобы вернуться к Рифу.

Около десяти часов утра Марк был уже дома; он тотчас же поспешил на «Ранкокус», где все было в прежнем порядке. Разведя огонь под плитой, он занялся приготовлением кое-каких блюд и запасов на случай следующего плавания, после чего взобрался на мачту, чтобы осмотреть еще раз, в каком положении находятся теперь дела на южной части горизонта.

Густое облако темного дыма, заволакивавшее до сих пор то место, где происходило извержение вновь появившегося над водой вулкана, теперь почти рассеялось. Лишь одна точка горизонта все еще скрывалась за тонкой струйкой дыма; остальное же пространство было совершенно чисто. Мгновенно выросший из недр океана гигантский пик представлял собою дивное и невиданное зрелище: вершина его возвышалась не на тысячу футов, как полагал ошибочно вначале Марк, а на целых две тысячи. Судите сами, какое впечатление должен был производить этот колосс с изрытыми боками и гордо приподнятой синеватой главой, господствовавшей над безбрежной гладью моря. Пик этот получил название Пик Вулкана, и Марк решил, что посетит его в самом непродолжительном времени.

Весь этот день был посвящен приготовлениям к предстоящему путешествию. Глухие раскаты, еще не раз слышавшиеся ему в тишине предыдущей ночи, теперь уже не повторялись. Земля как будто отдыхала после тех потуг и конвульсий, которыми она произвела на свет Божий всю эту новую природу. Опасаться теперь было уже нечего; но в тот момент, когда Марк приближался к месту недавних великих событий, в которых на его глазах силы природы проявили еще раз все свое могущество, им овладело чувство, похожее на суеверный страх или на священный трепет.

На этот раз ему пришлось плыть в совершенно ином направлении. Он миновал сперва несколько проливов и заливов, несколько не похожих друг на друга; из них одни были прямы и широки, другие же, напротив, были узки и извилисты. К полудню «Бриджит» достигла южной оконечности архипелага. Марк полагал, что сделал по меньшей мере двадцать миль, но Пик как будто вовсе не придвинулся к нему; это заставило его задуматься; как видно, расстояние до Пика было еще весьма велико. Марк решил, что проведет остаток дня и ночи там, где он находился в данную минуту, чтобы завтра иметь в своем распоряжении целый день. В то же время он был рад воспользоваться случаем и ознакомиться с этим побережьем и ближайшими островами, чтобы основательно изучить всю группу, входившую в состав его владений.

Итак, он стал высматривать удобное местечко, чтобы причалить; высадившись на берег, он тотчас же отправился пешком с ружьем в руках осматривать ближайшую местность. Проход, открывавшийся в море, значительно отличался от прохода в восточной части группы; тот залив, которым оканчивался пролив, с наветренной стороны был огражден длинной косой, далеко вдававшейся в море. И вход и выход здесь были удобны, а сама коса настолько возвышалась над морем, что могла считаться удобным путеводным пунктом.

В пресноводных источниках, ручейках и речках не было недостатка: между прочим, Марк нашел здесь небольшой, но чрезвычайно чистый и светлый ручеек, направлявший свое течение к тому месту, где стояла на якоре «Бриджит». Марк поднялся вверх по течению около двух миль и дошел до слияния десятка различных ручейков, бравших начало в большой песчаной отмели в несколько миль длиною. Новейшей ли формации была эта мель, или же она давно уже существовала, — этот вопрос трудно было решить с первого взгляда. Вид лавы, только

что извергнутой вулканом, но уже успевшей окончательно остыть, и лавы, пролежавшей на поверхности земли и подвергавшейся влиянию воздуха многие сотни лет, совершенно одинаков; и если бы не наслоения ила, остатки рыбы и большие кучи водорослей, еще не высушенных солнцем, да не озера морской воды, еще не успевшие испариться, то можно было бы с уверенностью сказать, что находишься среди природы, не претерпевшей ни малейших изменений.

Перед вечером, прежде чем отойти ко сну, Марк преклонил колена и воздал благодарение Богу за все его щедроты. Его молитва не была продолжительна, но искренна и сердечна; после нее он заснул счастливым сном.

За два часа до рассвета Марк проснулся и тотчас же стал собираться в путь. В хорошую погоду «Бриджит» делала по пять миль в час; с попутным ветром она могла идти и до семи узлов; но при большом волнении ход ее сильно замедлялся.

В продолжение двух часов «Бриджит» шла все на юго-запад. С рассветом Пик показался на горизонте; все предметы стали явственно вырисовываться на темном фоне этой горы, хотя до нее оставалось еще не менее девяти миль. Начиная с этого момента Марка на каждом шагу ожидали новые открытия: солнце успело уже взойти и поочередно освещало то холмик, то обрыв, то голую скалу, придавая им удивительные колориты и оттенки. По мере приближения к Пикку удивление Марка все более и более возрастало. Очутившись на расстоянии всего одной лишь мили от Пика, Марк убедился, что сам остров этот имел не менее восьми-десяти миль в длину, хотя в ширину никоим образом не превышал двух миль. Тянувшийся с юга к северу остров был обращен своей узкой частью в сторону Рифа, и вот почему наш внимательный наблюдатель с высоты фок-салинга «Ранкокуса» мог ошибиться в размерах Пика, особенно за отдаленностью расстояния.

Под конец плавания ветер стал свежеть; Марку было очень желательно укрыть свое бедное судно под защитой гигантской скалы, представлявшей собою северную оконечность острова. Однако прибой валов к этому берегу заставил его отказаться от своего намерения. С большим прискорбием он был готов уже повернуть назад, как вдруг совершенно неожиданно очутился против узкого прохода, образовавшегося между двумя утесами почти равной величины, причем один из них настолько выдавался в море, что совершенно заслонял собою эту узкую щель.

Проскользнув между этими двумя скалами, образовавшими что-то вроде тесной арки, судно Марка очутилось в красивом, замкнутом со всех сторон бассейне, имевшем около четырехсот локтей в диаметре. Благодаря прекраснейшим песчаным берегам и такому же дну здесь в любом месте можно было причалить без хлопот, что Марк и не замедлил сделать. Убрав все паруса и захватив багор, он соскочил на берег. Оглядевшись, он увидел, что от бассейна вверх в гору идет громаднейший овраг, образовавшийся в расщелине гигантских скал; извиваясь змеей, он достигал самой вершины Пика; по нему, клубясь и пенясь, с шумом мчался поток, вливавший свои воды прямо в бассейн. Сперва Марк предположил, что в этом потоке тоже соленая вода. Однако, отведав воды из ручья, он убедился, что это настоящий горный ключ.

С ружьем за спиною и сумкой со съестными припасами за плечами, Марк стал взбираться в гору вдоль оврага. На деле подъем этот оказался менее тяжелым, чем предполагал сначала Марк. К немалому своему удовольствию, он мог почти все время пути пользоваться отрадной тенью, так как солнце проникало лишь местами в это глубокое ущелье. Марку пришлось пройти не более двух миль, все время подымаясь в гору, прежде чем он достиг ровного места, так называемого горного плато. Еще на полпути характер местности вдруг резко изменился: то не была уже та мертвая, бесплодная природа угрюмых голых скал, так удручающая душу человека; нет, почва, по которой теперь ступали ноги Марка, как видно, не со вчерашнего лишь дня вышла из недр океана. Оглядываясь, вокруг, Марк Вульстон с каждой минутой убеждался все более в том, что сама вершина Пика и эта горная равнина долгое время были прекрасным

зеленым островком, прежде чем страшное по своей силе извержение вулкана преобразило его в этот гигантский Пик, подняв его так высоко над морем.

Очевидно, этот островок тогда был слишком низменный, чтобы его можно было заметить на таком дальнем расстоянии, какое было от него до Рифа.

Невольный крик восторга вырвался из уст Марка при виде роскошной зеленеющей равнины Пика.

Равнина эта была покрыта лесом; бананы и богатая тропическая растительность раскинули здесь все свои красоты. Яркая изумрудная мурава еще носила на себе следы недавнего ливня. Марк видел этот ливень в тот момент, когда подходил к Пику; но, приглядевшись ближе к поверхности этих лугов и лужаек, он без труда нашел и здесь следы пепельного дождя, выпавшего во время извержения вулкана. После столь продолжительной и быстрой ходьбы, очутившись вдруг под непосредственным влиянием солнечных лучей, Марк счел за лучшее лечь отдохнуть под тенью живописной группы деревьев, где стоило протянуть руку, чтобы сорвать свесившийся чуть не до земли роскошный плод кокоса. Этот прекрасный плод заключает в себе вкусное питательное молоко, которое является таким чудеснейшим напитком в столь жарком климате; а мякоть кокосовых орехов, когда они только что сорваны, представляет собою чрезвычайно сочную и вкусную пищу. Здесь этих кокосов можно было бы насчитать целые тысячи. Отдохнув с часочек в тени этих роскошных деревьев, Марк принялся обходить эту равнину для более близкого ознакомления с ней, для того чтобы судить не только о ее красотах, но и о размерах. Между прочим, он заметил, что все деревья буквально усеяны самыми разными птицами с необычайно ярким и цветистым оперением, причем ему показалось, что некоторые из этих птиц должны бы дать прекрасное жаркое. Большинство птиц с видимым наслаждением поклевывали дикие смоквы; эти плоды, не отличаясь особо тонким вкусом, прекрасно утоляют жажду и действуют освежающим образом. Большинство из этих птиц имели некоторое сходство с так называемыми винноягодниками.

Вскинув ружье, Марк одним выстрелом убил несколько штук. С помощью своего кремня и небольшой горсточки пороха он без труда развел костер. Здесь лесу было вволю, и он невольно подумал, что там у него, на Рифе, ему приходится скупиться на дрова, так как запас «Ранкокуса» уже начинал заметно подходить к концу. Из только что убитых птичек Марк изготовил тут же прекрасное жаркое, обернув каждую из них пучочком листьев подорожника; в его походной сумке имелись морские сухари и фляжка дорогого рома. Для такого пира здесь не хватало только веселой дружеской беседы; в самом деле, одиноко наслаждаясь здесь вкусными яствами, которым голод и усталость придали еще больше вкуса, блаженствуя в тени развесистых кокосов и бананов, на мягкой яркой мураве прелестнейшей лужайки, Марк думал про себя: «С какой радостью, с какой охотой я отказался бы навек от всего остального мира ради этих прекрасных мест, забыв про всю вселенную в этом земном раю, если бы только здесь, рядом со мною, была и моя Ева!» – под Евой Марк, конечно, разумел свою возлюбленную Бриджит.

Благодаря возвышенному местоположению этой равнины, воздух здесь был несравненно легче, прозрачнее и даже прохладнее, чем на Рифе; вдыхая этот горный воздух, Марк испытывал особенное наслаждение, нечто похожее на легкое опьянение. «Как жаль, – размышлял он, – что нет здесь со мною друга или товарища, живого человека, с кем бы я мог делить это блаженство!»

О, как далеко был он тогда от мысли, что в этот самый миг, когда он это думал, он был так близко от живых людей, и от людей, себе подобных, что все заветные его желания и мечты готовы были осуществиться с минуты на минуту!



## Глава XIII

*О, патриархальные нравы старой Англии! Вечером у камина, рассказывая очаровательные сказки, отец, мешая огонь, забавляет детей; новорожденный улыбается на руках матери; и оба супруга, как в первые дни, обмениваются втихомолку взглядом любви.*

**Мистрис Гименс**

Собственно Пик, то есть скала, – это наиболее возвышенное место острова – находился на северной его окраине в двух милях от той прекрасной рощицы, в тени которой Марк сейчас так вкусно пообедал. Резко отличаясь по своему характеру от столь богатой растительностью природы всего нагорного плато, сам Пик не мог похвастать не только деревцем, но даже и кустиком; в самом начале подъема утес этот кое-где порос чахлой и жалкой травой, да и эта-то скудная растительность бесследно исчезала немного выше, в самом начале последнего подъема, ведшего вверх, на самую вершину.

Прекрасно подкрепившись вкусным обедом и сладким отдыхом в тени кокосовых деревьев, Марк начал взбираться на вершину Пика.

Но это было не совсем-то легко. Употребив на этот подъем час времени, он очутился наконец на самой вершине этой гигантской, внезапно выросшей горы. Перед ним открылась сразу та панорама, какую он и ожидал увидеть. Горная долина развернула перед ним все свои богатства – луга, рощи и ручьи. Еще ни один сельский пейзаж не представлялся Марку в столь чарующе веселых красках; весь этот остров казался до такой степени возделанным, что невольно думалось, будто с минуты на минуту, вот-вот должны показаться группы людей, идущих за плугом. Марк постоянно имел при себе одну из лучших зрительных труб, имевшихся на «Ранкокусе», и попеременно переводил ее с одного места острова на другое в надежде отыскать следы присутствия здесь человека. Но, очевидно, он был единственным человеческим существом на всем этом острове; нигде не было видно даже следов каких-либо четвероногих или хотя бы гадов. Одним лишь птицам, по-видимому, был открыт доступ в этот маленький Эдем.

Марк продолжал дальнейший осмотр Пика. Тут было много гуано, которое, вероятно, немало способствовало плодородию долины. Кроме могучего потока, который избрал своим руслом овраг, долина орошалась множеством маленьких ручейков, вливавших свои воды в тот же большой поток. Милях в двух от подошвы Пика все эти воды соединялись, образуя небольшое озеро; выйдя из озера, они бежали дальше извилистыми ручейками, впадавшими затем в море и спускавшимися каскадами по скату гор.

Нетрудно представить, с каким живейшим любопытством Марк направил теперь свою трубу на север, чтобы отыскать те острова, которые служили ему сегодня пунктом отправления.

С той высоты, на какой он теперь находился, вся эта группа вулканических островов, к которой принадлежал и его Риф, была прекрасно видна; но за дальностью расстояния она представлялась как бы развернутой картой, нанесенной темными красками на поверхность океана. Простым глазом кратер нельзя было различить отсюда, а бедного «Ранкокуса» невозможно было разглядеть и с помощью трубы.

Осмотрев внимательно все свои владения, Марк обратил свой взор в другую сторону горизонта в надежде найти где-нибудь землю. Первый предмет, попавшийся ему на глаза, была действительно земля! Земля, вне всякого сомнения, ясно виднелась на западе, на расстоянии, по крайней мере, миль ста; несмотря на значительность расстояния, Марк был убежден в том, что он не ошибается и что в той стороне, наверное, находился остров, быть может, даже и обитаемый. Обрадованный этим неожиданным открытием, он более часа не мог отвести глаз от

этой точки горизонта и принужден был к этому лишь легким головокружением, явившимся у него от пристального и чересчур продолжительного рассматривания одного и того же предмета.

Марк прохаживался взад и вперед по небольшой площадке Пика, чтобы дать отдохнуть глазам, как вдруг появившийся в отдалении предмет сразу приковал его к месту и почти полностью лишил его способности дышать. Предмет этот был парус, появившийся вдали.

Со дня исчезновения бедного Боба Бэтса глаза его теперь впервые видели судно. Оно, казалось, направлялось как раз к этому острову, как будто намереваясь укрыться под защитой его скалистых берегов. То было парусное судно, двух- или трехмачтовое, об этом Марк еще не мог судить. Теперь-то что до этого? Всего важнее, конечно, было, что он видит перед собою судно!

У бедного отшельника тряслись колени, он весь дрожал так, что был принужден на время опуститься и сесть на землю, чтобы не упасть. Несколько минут он оставался неподвижен, мысленно вознося горячие благодарения Богу за его неожиданное милосердие к нему. Когда же к Марку вернулись силы и он поднялся на ноги, им на минуту овладел невыразимый ужас при мысли, что, быть может, то была только игра его воображения.

Но нет! Он не ошибся: белая точка все еще виднелась на том же месте. Марк схватил свою подозрительную трубу, чтобы лучше рассмотреть это судно, и вдруг из уст его вырвался громкий возглас радости:

– Пинас! «Нэшамони»!

И, как безумный, он бросился вперед, махая платком, как будто его могли увидеть на таком расстоянии. Прошло четырнадцать месяцев с тех пор, как это маленькое судно было унесено бурей, и вот после такого промежутка времени оно, казалось, снова пыталось вернуться к тем берегам, которые служили ему колыбелью.

Как только к Марку вернулись самообладание и рассудительность, он тотчас же прибег к наивернейшему способу, чтобы обратить на себя внимание: он дал два выстрела из своего ружья и затем повторял еще несколько раз тот же прием до тех пор, пока на пинасе не подняли флаги. В тот момент пинас находился уже почти под самым Пиком. Но вот и с судна раздался ответный выстрел.

По этому сигналу Марк бросился бежать бегом навстречу судну; несколькими скачками спустился он к оврагу и, не переводя духа, как безумный, мчался все вперед и вперед, рискуя каждую минуту сломать шею. Менее чем за полчаса он добежал, едва дыша, до места, где стояла его «Бриджит», и вскочил на судно.

Когда Марк миновал последний выдающийся в море утес, выйдя из своей потайной бухточки, невольный крик радости и счастья сорвался с его уст: всего в каких-нибудь ста саженях его глазам предстал «Нэшамони». Судно шло, придерживаясь берегов и, очевидно, отыскивая удобное место для того, чтобы пристать к острову. С пинаса также отозвались, Марк и Боб узнали друг друга одновременно. Боб по старой матросской привычке подбросил в воздух свою шапку и издал три громких возгласа, тогда как Марк, совершенно обессиленный от волнения, принужден был опуститься на скамью, а вслед за тем он выпустил из рук и шкот и совершенно потерял сознание, так что не мог уже дать себе отчета в том, что с ним произошло далее. Очнулся он в объятиях своего друга и товарища на палубе «Нэшамони».

Прошло более получаса, прежде чем Марк вполне овладел собой. Наконец слезы облегчили его душу; он не стыдился этих слез, слез радости при встрече со своим старым другом.

Тут он заметил присутствие еще одного лица на судне, но так как человек этот был краснокожий, то Марк решил, что, вероятно, это какой-нибудь туземец с тех островов, где по пути остановился Боб, и потому не обратил на него должного внимания. Боб заговорил первым:

– Господи, мистер Марк, вот ведь счастье-то! Мог ли я ожидать такого благополучия? Поверите ли, я дрожал от страха, пускаясь нынче в путь на нашем «Нэшамони»; ведь я ничуть не был уверен в том, что я сумею найти вас.

– Спасибо вам, дорогой Боб, спасибо! Возблагодарим Господа за Его милость к нам! Судя по тому, что я вижу, вы, верно, пристали к одному из населенных островов неподалеку отсюда. Но для меня является загадкой, каким путем вы, Боб, сумели отыскать Риф?

– Риф! Да разве это Риф? – с удивлением воскликнул Боб. – Должно быть, земля здесь кверху дном перевернулась с тех пор, как я расстался с вами, если этот остров – наш Риф!

Марк принялся рассказывать Бобу о том перевороте, который совершился в его отсутствие, и затем в кратких словах передал ему всю свою эпопею за это время. Бэтс весь превратился в слух, с жадностью внимая его рассказу.

– Так вот она, причина-то всех тех землетрясений! – воскликнул Боб. – Поверите ли, в то время как у вас все это здесь стряслось, я был более чем в полутораста милях от этих мест, но и у нас были такие землетрясения, что даже старому опытному матросу невозможно было устоять на ногах. Два дня спустя к нам присоединилось судно, которое в ту пору находилось без малого на сто миль ближе к северу, чем мы; и что же? Ведь весь экипаж рассказывал, что там, в открытом море, им казалось, что небеса с землею обнимались.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.